

МИРОН КАРЫБАЕВ ЧЕЛОВЕК В КОМНАТЕ

International

Literary

magazine

Мирон
КАРЫБАЕВ
ЧЕЛОВЕК
В КОМНАТЕ

БИБЛІОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

**Мирон
КАРЫБАЕВ**

**ЧЕЛОВЕК
В КОМНАТЕ**

**Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024**

УДК 821.161.1'06(574)-34
К-27

СЕРІЯ «Бібліотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

Карыбаев М.

К-27 Человек в комнате / М. Карыбаев — Друкарський двір
Олега Федорова 2024 — 144 с.

ISBN 978-617-8252-96-0

Часть из этих историй посвящена бытовой, осязаемой повседневной реальности, часть — реальности фантастической, легендарной, сказочной, прочие же пытаются в разных пропорциях совместить миф и быт в одно, потому что автор убежден: в самой банальной повседневности есть чудо, а самую отвлеченную фантазию можно вытянуть в действительность.

УДК 821.161.1'06(574)-34

МУХА НА ФРЕСКЕ

Повестъ

Часть I

Из города в город,
Адрес: родные сердца.
Порой теряя опору,
Никогда не теряя лица.

Ты даёшь людям шанс
Сказать себе «я живой!»
Довольно странный способ жить жизнь,
Но он твой.

Кирилл Комаров, «Способ жить жизнь»

1

Константин Хан болел два раза в год.

В первый раз — во время крещенских морозов, когда влажный алма-атинский воздух промерзал до минус двадцати, а в Сайранском водохранилище прорубали иордань. В купель он окунаться не рисковал, но облиться холодной водой в ванной считал нужным. После этого неизменно слегал с простудой.

Во второй раз — в августе, когда очередной ливень приносил с собой не летнюю освежающую прохладу, не радость, не раздражение, но странную необъятную тоску, осознание скорого наступления осени. В такой день Хан выходил на улицу и бродил по городу, размышляя о бренности бытия, наступая на желтеющие листья, тщетно борясь с желанием напиться. Промокал до нитки и на следующий день вставал с температурой.

В то утро Константин проснулся раньше обычного, на самом рассвете, с больной головой и слезящимися глазами. Лечился водкой, поглядывая в окно на кубово-синее небо. К вечеру водка кончилась, и он уснул.

Открыл глаза и долго смотрел в обшарпанный потолок. Солнце светило в глаза, понукая встать, умыться, побриться, перестелить пропотевшее бельё и начинать новый день.

Сил хватило только на умывание. Опираясь на раковину и поглядывая на своё испитое лицо в зеркале, Хан понимал, что чувствует себя лучше, чем вчера. Температура вроде бы спала, ноги не подгибались, горло не болело.

Только очень хотелось пить. И именно жажда заставила его одеться, привести себя в порядок и выйти из дома.

* * *

Колокола отбили полдень. Константин Хан стоял за воротами и смотрел на церковь. Обводил взглядом изгибы ступенчатых арок, до рези в глазах всматривался в блики начищенных куполов, разглядывал проволокой закреплённый крест, внимательно наблюдал за поведением прихожан. Запоминал всё: темп шагов, выражение лиц, мельчайшее дуновение ветерка, сигналы машин за спиной.

Из дверей церковной лавки вышла женщина одухотворённого вида, на ходу складывая покупки в сумку. Загодя подготовила горсть мелочи, с улыбкой ссыпала её в ладонь попрошайки. Та рассыпалась в благодарностях, и женщина вышла за ворота.

Ни на Константина, ни на сторбленную старуху на ступеньках перехода её доброты не хватило. Хан промолчал, а вот горбунья покрыла прихожанку матом и ещё долго верещала гневную бессмыслицу, до тех пор, пока из сторожки не вышел дворник и не пригрозил полицией. Блаженная она была или нет, но угроза сработала. После кистер¹ направился к Хану, размахивая метлой.

— И ты иди отсюда, пьянь!

¹ Кистер (кюстер) (*нем.* Küster — пономарь, *лат.* custos — дворник, сторож, *англ.* sacristan — ризничий) — церковнослужитель-завхоз.

— Да я же...

— Иди!

Он развернулся и быстрым шагом ретировался. Хотелось пить.

* * *

Пачка сигарет легла на прилавок, вслед за ней звонко звякнула прозрачная чекушка.

— Тоғыз жүз жиырма, — скороговоркой бросила продавщица, худощавая пожилая казашка.

Костя оторвал взгляд от весело плещущейся водки, перевел на её хмурое лицо.

— Простите, я н-не понимаю, — пальцы заметно дрожали.

Она раздражённо вздохнула и повторила, повысив голос:

— Девятьсот двадцать!

Пять или шесть человек, столпившихся в магазинчике, нервно вздыхали, напряжённо переступали с ноги на ногу, тихо переговаривались. Хан спешно, нервно считал мелочь в ладони. Девятьсот двадцать не выходило никак.

— А с-сколько без с-сигарет? — он снова поднял глаза на кислующее лицо продавщицы. Лицо это, смуглое и, в общем-то, по-старчески красивое, портило пигментное пятно на левой щеке. Это пятно раздражало чертовски. От него хотелось напиться ещё сильнее.

— Пятьсот шестьдесят.

Она убрала сигареты обратно в стенд. В резких, отрывистых движениях чувствовалось презрительное раздражение.

Он отсчитал деньги, высыпал на прилавок. Продавщица проворными движениями пальцев разметала по столу монеты, быстро сосчитала, выдвинула обратно двадцать тенге.

— Лишнее.

— А-а, — протянул Костя.

В углу, у прозрачной подставки под шоколадки, жвачку и прочее, стояла коробочка для садака¹. Внутри виднелась горстка мелочи и мятая купюра в пятьсот тенге. Нестриженными ногтями он подцепил монету, дрожащими пальцами попытался сунуть в прорезь. Двадцатка выпала и зазвенела по полу.

В очереди кашлянули. Спиной чувствуя взгляды, он наклонился, стал искать на потёртом кафеле монету. В горле пересохло.

Её поднял какой-то длинноволосый юноша, ловко закинул в коробку. Поймал извиняющийся взгляд Хана, кивнул, прошёл к прилавку. Очередь облегчённо вздохнула и пришла в движение.

Константин схватил чекушку, прошёл пять шагов до двери, борясь с жаждой. Зазвенели колокольчики. Он спустился по лестнице, сделал два шага в сторону и сорвался. Выкрутил пробку, жадно присосался к горлышку. Холодная жидкость обдала жаром щёки, спустилась по горлу, потекла сверкающими ручейками из краёв рта. Только когда опустошил всю бутылку, залив водкой грудь и ворот рубашки, оторвался, выдохнул, задышал тяжело. Внутренний жар жёг лицо.

Кто-то стоял сбоку и смотрел на него. Костя обернулся, хотел уже наругать зеваке, но узнал давешнего юношу. Ему ругать было как-то неловко, и Хан весь внутренне сжался.

— Чего... чего тебе?

Мир стремительно размывался.

— Вот ваши сигареты.

— А?

Благодетель протягивал ему пачку сигарет, ту самую, на которую ему не хватило денег. Хан смотрел на неё тупо, с липким подозреньем внутри, потом осторожно протянул

¹ Садака — мусульманское добровольное пожертвование.

руку и взял пачку. Незнакомец улыбнулся простодушной улыбкой, задержал взгляд на Хане, будто собираясь что-то сказать.

— Ч-что-то ещё? — осторожно поинтересовался Костя.

— Нет. Ничего. Простите, — незнакомец развернулся и ушёл.

Хан смотрел ему вслед, держа в опущенной руке нераспечатанные сигареты. В другой лежала пустая чекушка из-под водки.

2

«Однажды в погожий весенний день Малик повстречал на дороге нищего. Нищий являл собою душераздирающий вид, ведь запах его одежд ужасал обоняние, от вида грязных босых его ног слезились глаза, от звуков жалобного его голоса болело сердце. Малик не испугался, не отпугнула его отвратительная вонь, не покорёжил тонкого слуха голос оборванца. Наш герой шагнул к босяку, протянул свою загорелую, крепкую ладонь.

— Вставай, брат. Возрадуйся, бо кончились твои бедствия!»

Бродяга вставил пропущенную букву и снова полулёг на спинку кресла. Текст он правил уже четыре часа, и ещё четыре оставалось до истечения времени. Ночной тариф в компьютерных клубах, может, и был вреден для здоровья, зато выгоден для кошелька. Он, впрочем, не жаловался. И жить вечно не собирался.

« — Как же я встану, добрый незнакомец? — вопрошал нищий, задирая штанины. — Ведь встать я никак не могу.

Действительно, страшная картина открылась глазам Малика. Сиреневые язвы покрывали ноги попрошайки, и стекла из них вязкий желтоватый гной.

Но Малик не испугался, ибо пугаться не умел. Открыл он свою походную сумку и вытащил из неё пузырёк с жидкостью целебной, пожалованный ему шахом Торезмийским.

— Выпей это, брат. Я привез это лекарство из далёкой страны, оно поможет тебе.

— Не могу я этого сделать, добрый человек. Не стою я, жалкий червь, такой благодати.

Малик Странник не растерялся. Взяв оборванца за горло, он силой влил ему в рот содержимое склянки — всё, до капли. И случилось чудо — раны его зажили, будто и не было их никогда. Нищий, увидев это, встал и от радости заплясал, запел. Как же он пел! Не хуже соловья, надо заметить. Скоро послушать его собралась целая толпа. И посыпались к ногам бывшего попрошайки медяки и золотые, а тот всё заливался, прославляя чудо, прославляя доброго странника и саму жизнь.

Малик Странник улыбнулся, накинул на голову капюшон и скрылся в толпе. Опустевшую склянку он выбросил в кусты, ни разу не пожалев. Чудо-лекарство из далёкой страны лечило все болезни, поднимало с постели умирающих, даровало зрение слепым и забирало боль у страждущих. Торезмийский шах пожаловал его Малику за раскрытие преступного сговора во дворце. Торезмийский шах не ведал, что Малик Странник не болел никогда в своей жизни».

Ночь была прохладна и освещена фонарями. Бродяга стоял поодаль от курящих неподалёку парней, смотрел на тусклые городские звёзды и вспоминал.

Вспоминал, как давно и далеко, в начале своего пути, повстречал в переходе бродячего музыканта. Пел он... чёрт, что же он пел?

А, точно.

С каждым шагом — всё дальше и дальше от выбранной цели,

И ошибки мои всё мудрей и всё красивей.

Сохрани Господь всех тех, кто в сердце моём укрыться успели,

А точнее — пронеси их Хаос мимо камней¹.

¹ «Вернуться назад», Василий К. & The Kürtens.

Бродяга уже был достаточно опытен, чтобы различить человека в глубокой нужде. Сказали ему об этом ввалившиеся щёки музыканта, сообщила грязная, не по сезону, одежда, поведала глубокая усталость в хриплом голосе, и наконец окончательно убедил лихорадочный блеск опухших глаз.

Он подошёл к певцу, протянул купюру. Крупную. Тот приподнял бровь.

— За какие заслуги? — свысока прохрипел он.

— За просто так, — Бродяга тряхнул рукой. — Берите, вам нужнее.

Он нахмурился.

— За просто так, пацан, деньги не берут. И уж точно не дают.

Бродяга спрятал купюру, скользнул к стене, скривил губы в улыбке.

— Тогда не за просто так. Расскажите какую-нибудь историю. Я собираю материал... для книги.

Музыкант задумался, вытащил из кармана мятую сигарку, сунул в зубы. Долго, безуспешно щёлкал зажигалкой, высекая холостые искры. Бродяга протянул ему свою.

— Хмм... — он глубоко затянулся, вернул зажигалку владельцу. Выдохнул едкий дым. — Ну, раз так, слушай и запоминай. Пили мы однажды с одним моим товарищем...

— Вот так, — закончил рассказывать дядя Юра, гитарист, авантюрист и непростой судьбы человек. — Вот так-ак.

Упакованная гитара уже давно стояла, прислонённая к стене — сегодня он играть уже не собирался. Бродяга обдумывал услышанное, мял в кармане купюру. Ночь была в голову лёгким дурманом.

Музыкант потянулся за очередной сигаретой, но обнаружил пачку пустой. Почесал затылок.

— Я за куревом, — бросил он. — А ты здесь подожди, я скоро приду.

Зачем-то он взял с собой гитару. Бродяга, впрочем, не обратил на это внимания. Он вытащил блокнот и записывал в него историю.

Дядя Юра не пришёл скоро. Когда Бродяга кончил записывать, он сунул руку в карман и понял, что дядя Юра не придёт вообще.

Бродяга усмехнулся и вернулся обратно в настоящее. Стыдно вспоминать, как наивен он был тогда, как запаниковал, как нервничал... Впрочем, нет, уже не стыдно. Сейчас уже просто смешно.

Он глубоко вдохнул, выдохнул, развернулся. Пора было возвращаться к Малику Страннику и его удивительным приключениям.

«Малик Странник прибыл в городок на самой окраине Великой пустыни и понял сразу: что-то здесь не так. На лицах жителей нарисована была тяжкая нужда, и страх, и отчаяние. Плакали младенцы на руках матерей, плакали бесслѣзно старики, ветер задувал песок во дворы и дома.

— Что за беда у вас, добрые люди? — обратился герой ко всем сразу. — Что случилось?

— Бандиты, господин, — ответил дряхлый старик с печатью страдания на лице. — Уходите поскорее из нашей деревни, пока они не вернулись!

Малик выпрямился в седле, положил руку на рукоять меча.

— Малик Странник никогда ещё не бросал тех, кто в нем нуждался. Возрадуйтесь, ибо бедам вашим пришел конец!

Старик упал на колени. Шум сотен копыт донёлся издалека.

— Не нужно, добрый господин. Слышите? Это едут они, уходите, убегайте поскорее!

Малик слез с коня, поднял старика с земли.

— Прячьтесь! Прячьтесь! Они едут! — доносились отовсюду крики. Наш герой стоял посреди этой неразберихи, неколебимый и неустрашимый.

Скоро разбойники ворвались в деревню, заполонили каждую улицу и каждый угол. Окружили Странника, закружились коловратом коней.

— Кто ты такой?! — раздались отовсюду голоса. — Уходи, пока цел!

— Я буду говорить с вашим главным, — отвечал Малик невозмутимо, надвинув на лицо шляпу и широко расставив ноги.

Кольцо сузилось. Заблестели сабли. И раздались крики во второй раз:

— Ты дерзок! Отдавай всё, что есть у тебя! Только тогда мы тебя отпустим!

— Я буду говорить с вашим главным, — повторил Малик Странник, оставаясь недвижимым и невозмутимым. Сердце его билось ровно, дыхание его не сбилось.

Теперь уже пыль, поднимаемая конями, поднялась до неба. Мелькали вокруг Странника конские ноги, хвосты, крупы, стук копыт дробился на мельчайшие осколки. И крикнули разбойники в третий раз:

— Готовься к смерти, путник! Молись, чтобы была она быстрой!

Ни один мускул на лице Малика не шелохнулся. Ни одна нотка в голосе не выразила страха.

— Я буду говорить с вашим главным, — повторил он в третий раз.

И сотворило его спокойствие чудо. Пронзительный свист разогнал конское море, заставил разделиться надвое. Бандиты расступились, и вышел из их рядов гигант, весь увешанный цепями, с чёрным плащом за спиной и золочёной саблей на поясе. Малик Странник не сдвинулся с места.

— Я Вейрах-паша, главный в нашей дружине. О чём ты хотел говорить со мной?

Голос его громыхал, как удары молота по наковальне. Малик поднял на него взгляд, сплюнул на песок.

— Я Малик Странник, — только и сказал он. — Оставьте этих людей в покое, или пожалеете об этом.

Главарь захохотал, и смех его рвал небо на части. Он опустил руку и отстегнул от седла огромное копьё в два человеческих роста длиной. Наконечник его был зазубрен наподобие тигриных зубов — такое оружие рвало человеческую плоть, как шёлк.

— Ты смелый человек, Малик Странник. Ты заслуживаешь чести быть убитым мной.

Тогда Малик положил руку на рукоять сабли и не сказал более ни слова. Гигант замахнулся ужасающим своим оружием, но бросить не успел, потому что Странник быстрее птицы подскочил к нему и разрубил бандита на две части, а потом ещё на две части. Он повернулся к остальным разбойникам и окинул их взглядом глаз, сверкающих, как звезда Севера.

— И-и-и! — закричали они в ужасе, увидев, что случилось с их командиром. Развернув коней, они бежали, не оглядываясь, потеряв от страха человеческий облик. Он дал им уйти, потому что Малик Странник никогда не бил в спину.

Открылись двери и окна нараспашку, выбежали на улицы жители, счастливые и радостные.

— Спасибо тебе, Малик Странник! Мы никогда не забудем твоего подвига! — подошёл к нему давешний старик, ещё недавно умолявший его уйти.

Странник скромно улыбнулся, вытер кровь с клинка и сел на лошадь. Не говоря ни слова, он покинул селение. Дорога звала его, и новые подвиги виднелись на горизонте».

Бродяга дремал, разомлев в мягком кресле. Прикрыв глаза, видел он степь от горизонта до горизонта, слышал вой лихача-ветра, чувствовал на губах горький привкус полыни.

Мелькали кадры. Стучали колёсами поезда, отмечая по Турксибу и Транссибу¹ разбросанную жизнь. Ревели моторами трассы. Моргали фонарями улицы далёких городов.

И ветер. Ветер дул в глаза, ветер дул в спину, ветер поднимал клубы пыли, закручивая их в пляшущие, мимо-лётные вихри.

На дереве что-то делалось. Бродяга сощурился, разглядел, как на высокой ветке юркая, блестящая чёрная змея вилась вокруг гнезда. Серая птица, не разглядеть какая, ожесточённо отбивалась, отчаянно хлопала крыльями, яростно клевала змеиную плоть.

— Не болды?² — окликнул его старый пастух. Бродяга, не отрывая взгляда от схватки, ответил:

— Змея с птицей дерётся.

Старик подошёл ближе, вгляделся подслеповатыми, желтушными глазами. Жертва затрепыхалась, обвитая душащими тисками.

— А-а-а-й, — махнул он рукой, видимо, так ничего и не разглядев. — Змее есть надо. У природы, у неё... законы свои. А нам вмешиваться не нужно.

Бродяга оторвал взгляд от гнезда, в котором хищница уже принялась за птенцов. Последовал за пастухом, пере-варивая увиденное.

Что-то вырвало его из дремоты — не то чей-то громкий удар по столу, не то сонная судорога. Помотав головой, он наклонился в кресле и уставился осоловелыми глазами в монитор.

Время истекало.

3

Ташкентская с утра кишела машинами, шум моторов и нервные гудки раздражали сонного Бродягу, идущего

¹ Турксиб и Транссиб — Туркестано-Сибирская и Транссибирская железнодорожные магистрали.

² Не болды? — Что случилось? (каз.)

вдоль дороги. При случае он намеревался свернуть во дворы, где тихо и спокойно. Но пока такой возможности не выдавалось.

В городской шум влился новый звук: перезвон колоколов откуда-то справа. Он повернул голову и увидел, как два человека яростно спорят у ворот церкви, на другой стороне улицы. Один из них выглядел знакомо.

— Ну надо же, — пробормотал Бродяга и направился к переходу.

— Уходи отсюда сейчас же! Полицию вызову! — махал дворник метлой.

— Полиция мне ничего не сделает, я тут просто стою, — монотонно повторял мужчина.

— Ты распугиваешь людей!

— Я просто стою.

— Вот поли... — он закашлялся, — полицию вызову, будешь им рассказывать!

— Что тут происходит?

Он приподнял брови, узнав Бродягу, дворник же повернулся и сощурился.

— Это твой дружок-алкаш?

Бродяга усмехнулся. Сходство между ними определённо было. Оба заросшие и небритые, оба в заношенной рвани, а от кого разит перегаром, сразу и не поймёшь.

— Да, это мой друг. Он доставляет вам проблемы?

— Он распугивает людей!

— Я с ним поговорю.

Бродяга заглянул ему в глаза. Объект спора стоял в стороне и отстранённо курил. Дворник снова закашлялся, плюнул и развернулся.

— А полицию всё равно вызову! — без уверенности в сиплом голосе пригрозил он.

— Храни вас Господь.

Он ещё раз плюнул и что-то проворчал под нос. Бродяга повернулся к мужчине.

— Это уже вторая наша встреча.

Тот бросил бычок в урну, подозрительно уставился на него.

— И во второй раз ты мне помогаешь. Это случайность?

— Алматы — большая деревня, — покачал головой Бродяга. — Раз так вышло, может, расскажете, зачем вы здесь стоите?

— Надо мне, вот и стою. Не надо было бы, не стоял.

— Вы художник?

Он приподнял брови.

— У вас на пиджаке пятна краски.

Он машинально опустил взгляд. Пятна действительно были.

— Ладно. Ладно. Я Костя Хан, художник. А тебе что надо, я никак не пойму?

— Я Малик. Бродяга, — он протянул руку. Хан с сомнением пожал её. — Я собираю истории. Если вы согласитесь...

— Ты. Со мной на «ты», — нервно одёрнул его художник и вытащил из кармана сигарету. — А историй у меня нет, уж извини.

— Может, покажете свои картины? Не за бесплатно, но за бутылку водки?

— Ты... — он поперхнулся дымом. — Ты за кого меня считаешь? Думаешь, я...

Малик смотрел на него. Внимательно.

— А, впрочем, с меня не убудет, — он вдруг передумал и махнул рукой, приглашая пройти с ним. — Ну пойдём.

Малик последовал за Ханом, на всякий случай не сводя с него глаз. Спасибо дяде Юре, он преподавал когда-то Бродяге важный урок.

* * *

Когда они вошли в сырой подъезд, Бродяга уже было подумал, что Хан собрался его бить. Обошлось.

Художник поднялся по тёмной лестнице, подошёл к обшарпанной деревянной двери, повернул ключ в замке. Проробмотав: «воровать у меня все равно нечего», пригласил Бродягу внутрь.

Костя разуваться не стал, и Малик тоже. Зыбкий линолеум выложен газетами, заляпан краской. У дверей — чёрные пакеты. Один из них тонко звякнул, задетый ногой Малика. В коридоре — холсты, поставленные почему-то лицами к стенам. В зале — ровные ряды стеклотары и недописанная картина на подставке.

— Ты, видать, думаешь, что я алкаш, — Костя пнул попавшую под ноги бутылку, та откатилась к стене. — Что я законченный человек.

Малик промолчал. Он чувствовал, что вопрос риторический. Пахло краской, спиртом и куревом.

— Да, это так и есть, — продолжил Хан, не дождавшись ответа. — Но погляди-ка сюда.

Он указал на мольберт.

— Скажи, что ты видишь?

Малик подошёл ближе, пригляделся. Поверх тонких линий эскиза маслом написаны контуры церкви. Утреннее солнце отражается в золоте куполов, попрошайки сидят с протянутыми руками, прихожане с пустыми овалами лиц протягивают им милостыню.

— Церковь, — неуверенно ответил он. — Ту, возле которой мы с вами...

— А я, — прервал его художник, — вижу, что у попрошайки одна рука чуть длиннее другой, — он ткнул пальцем в упомянутую руку, и Малик признал, что она действительно длиннее. — Я вижу, что вот этот блик совершенно неправильной формы, я вижу, что вот здесь слишком резкий контраст, — он указывал на мельчайшие недостатки, всё распаясь. После обернулся к Малику. — А когда я пьян, я их не вижу. Когда я пьян, я могу просто взять и нарисовать. Во-от, — он развёл руками, нервно зашагал по комнате.

— Это прекрасная картина, — попытался успокоить его Малик. — Этот... оттенок неба, эти тона...

— Оттенок неба! — всплеснул руками Хан. — Да кому есть дело до неба, когда блик неправильный! Вот представь... — он понизил тон. — Представь, что Микеланджело или кто там ещё писал фреску на потолке храма, писал долго и упорно, идеально отобразил каждую деталь, каждый мазок, но... на фреску села муха. И оставила след. И люди! — он повысил голос. — Люди смотрят на фреску и видят муху! А остальную фреску, прекрасную, замечательную фреску — нет!

— Я не вижу муху. Я заметил эти *крохотные* ошибки только тогда, когда вы на них указали.

— Но ты увидел! Ты признал эти ошибки, когда на них указали пальцем! А меня в дрожь бросает, когда я представляю, что к этой картине подходит человек более сведущий и тычет в неё пальцем! И говорит, что блик неправильный! И все смотрят! Молчи. Молчи, — он движением ладони остановил Малика, отвернулся к стене. — Я понимаю, что это чепуха, но как же это мешает...

Хан стоял, отвернувшись, со сжатыми кулаками.

— Так проблема не в алкоголе.

— Не-ет. Совсем не в алкоголе, — он сунул руки в карманы и снова зашагал по комнате, стараясь не смотреть на картину. — Проблема в том, что я таким уродился. А алкоголь — это не проблема, алкоголь — это решение. Во-от, — он остановился, поднял взгляд на Бродягу. — А ты, Малик, кто бы ты там ни был, подходишь ко мне и спрашиваешь, нет ли у меня каких историй. У меня нет историй. У меня есть незаконченная картина и... и всё.

Малик сжал губы, кивнул.

— И всё же... — достал из кармана блокнот, записал цифры. Круглыми глазами Костя смотрел на него. — Если вам потребуется помощь, позвоните, пожалуйста.

Хан взял протянутую бумажку, взглянул на неё. Перевёл взгляд на Бродягу.

— Со мной на «ты», — повторил он. — Если мне потребуется помощь? Ты странный человек.

Всё же он положил номер на стол, задумался. Побарабанил по дереву пальцами.

— Мне нужно купить краски. Раз уж ты так хочешь мне помочь, дай мне...

— Я куплю тебе краски, — заверил Бродяга.

— Откуда ты знаешь, какая краска мне нужна? Я сам пойду и выберу.

— Тогда пойдём вместе.

Хан нервно пожевал губу. Глаза бегали с Малика на холодильник.

— А, Бог с тобой, дают — бери, — наконец пробормотал он. — Хорошо. Пойдём, Малик. Уговорил.

Бродяга довольно усмехнулся. Начало было положено.

4

Константин Хан видел сон.

Слышал сон. Чувствовал сон. Он находился внутри сна и сном же являлся.

Белый лист, пустота. Точка — карандашная ли, оставленная ли шариковой ручкой или кистью, абстрактная ли, не имеющая ни длины, ни толщины. Бормотание на фоне — какая-то белиберда, не разобрать ни слова. Линия. Вторая, третья. Последняя почти завершает квадрат — почти, не попадает ровно в первую точку и снова идёт наверх, снова обводит квадрат, пытается исправить его, но только портит.

Быстрее и быстрее.

Линии становятся небрежней, голос бубнит громче, злее, раздражённой.

Ещё быстрее.

Некто невидимый уже даже не старается, а просто водит в исступлении чёрным по белому, квадрат превра-

щается в сплошную невнятную каракулю, будто кто-то долго расписывал ручку, будто рисовал ребёнок или сумасшедший.

А голос уже кричит, голос захлёбывается от ярости, и всё быстрее и быстрее, всё небрежней, хуже, отвратительнее, посредственнее, кошмарнее, кривее, паршивее, сквернее, слабее...

— Х-а-а!

Знакомый потолок, и дурнота, и тяжёлая боль, будто жидкий свинец плещется в черепе и давит в глаза. Хан прикрыл веки и лежал, пытаясь отделить сон от действительности. Проклятое солнце светило прямо в мозг.

Костя медленно, с усилием приподнялся и вдруг понял, что в комнате он не один.

На табуретке, рядом с кроватью, по пояс голый, сидел молодой человек. Длинные чёрные волосы падали на изнурённое лицо, на груди раскачивался не крестик, но какое-то странное украшение: узкий металлический цилиндр длиной эдак в палец. В руках — шитьё, иголка застыла в поднятой руке. Затуманенные припухшие глаза наблюдают за ним.

Малик, Бродяга.

— Ч-что случилось? — с трудом произнёс Костя. Малик вздохнул и воткнул иголку в ткань.

Пахло блевотой. Он опустил взгляд и увидел возле кровати тазик с мутной жижей.

Хотелось пить.

— Мы купили красок. Тех, что тебе были нужны. Это ты помнишь? — устало начал Бродяга.

Хан с трудом сел на кровати, положил голову на ладони.

— Да. Это я помню.

— Мы пришли сюда, и ты стал писать картину.

— Да. Я стал рисовать.

Хотелось пить.

— Потом я ушёл.

Костя молча кивнул.

Кажется, он решил немного выпить, чтобы работало лучше. Нет, не кажется. Раз всё это сейчас происходит... значит, он действительно выпил, помнит он это или нет.

— Я вернулся через несколько часов, потому что оставил у тебя записную книжку, — продолжал Малик. Каждое слово прокатывалось ржавым напильником по мозгу. — И застал тебя во дворе.

Он вспоминал. Что-то пробивалось сквозь густую пустоту. Какие-то крики, перекошенные лица...

— Ты был... пьян. Полез в драку, порвал на мне футболку... — он показал своё шитьё и снова опустил его на колени.

Он хватается за чужой ворот, падает, раздаётся треск разрываемой ткани. Что-то впивается в шею и звонко лопается.

Хан резко дотронулся рукой до шеи.

— А где крестик?

— Крестик? — брови Малика приподнялись. Он задумался, потёр подбородок. — Наверное, в драке потерялся. Его уже не было, когда я привёл тебя домой.

Константин издал стон и опустил лицо в ладони.

— Что дальше было?

— Ничего. Я уложил тебя, ты немного побуянил и уснул.

Он ещё раз простонал. Хотелось пить.

— Выходит, ты в третий раз мне помог, Малик.

— Бог любит троицу.

Хан поднял взгляд.

— Да. Любит.

— Этот крестик был тебе дорог?

Он потёр глаза. Хотелось пить.

— Не слишком. Просто... это, видимо, Он мне намекает... что пора бросать.

Костя указал пальцем в потолок. Малик вернулся к порванной футболке.

— Может быть.

Ни гнева, ни раздражения. Что это за человек?

— Малик... кто ты такой?

— Бродяга, — он отвёл руку в сторону, вытягивая нить. — Я не от Него, если ты про это. Просто человек, пытающийся помочь ближнему.

— Просто человек... — Константин медленно поднялся, прошёл на кухню. Вернулся со стаканом воды. — Нет, обычный человек бы всем этим не занимался. Ты очень странный человек.

Малик вытянул ещё стежок.

— Что планируешь делать дальше?

— Не знаю. Но, в любом случае, больше ни капли, — он вытянул ладонь, сжал в кулак. — Поздравь себя, ты помог одному старому алкашу... кое-что понять.

Бродяга откусил нитку, натянул футболку на себя. По вороту вился неровный, но явно прочный шов.

— Ну, хоть что-то, — он пожал Косте руку, убрал нитку с иголкой в карман. — Удачи тебе, Костя. Я тебя ещё навещу.

— Спасибо.

Он закрыл за Маликом дверь, выпил ещё воды и подошёл к картине. Уставился на неё мутным взглядом.

Дьявольски хотелось пить.

5

На блошином рынке ровными рядами сидели продавцы, преимущественно пожилые. На картонках перед ними разложены старые инструменты, украшения, медали, приборы неясного назначения, одежда... Всего не перечислить.

Среди всякой интересной старьёвщины взгляд Бродяги выхватил потёртый временем, увесистый на вид фотоаппарат...

— Зачем ты каждый раз ходишь к церкви? Не удобнее было бы сделать фотографию и писать с неё?

Константин Хан потёр щетину, не сводя глаз с разноцветных тюбиков.

— Уж извини, Малик, но ты ничего не понимаешь. Фотография никогда не передаст того, что можно увидеть глазами. Не только глазами. Звуки, запахи, ветер, тепло или холод, — он взял с прилавка два, казалось, одинаковых жёлтых тюбика и стал внимательно читать надписи на этикетке. — Никогда.

...Малик шёл по улице, и на груди его в такт шагам покачивался массивный «Зенит Е». На перекрёстке остановился, огляделся.

По проспекту Саина текли машины. Погода была ясная, и горы виднелись особенно отчётливо, как на экранах дорогих телевизоров в магазине электроники. Бродяга прицелился в объектив.

Ветер переменился, запахло куревом. Он обернулся и увидел идущего навстречу Хана с сигаретой в зубах.

— Привет, Малик.

Он выглядел уставшим. Под покрасневшими глазами висели мешки, ладонь, протянутая для рукопожатия, заметно дрожала.

— Привет. Ты куда?

— Туда же, куда и обычно, — уныло протянул Костя.

Они перешли зебру и зашагали вниз по улице.

— Фотоаппарат прикупил, ха? А я вот... — он неожиданно начал рассказывать, — вчера шёл по улице, и передо мной шли бабушка с ребёнком. У малого с рюкзака что-то капало, наверно, бутылка с водой разлилась или вроде того, — он затыкнулся, закашлялся. — А я видел и не сказал ничего. Просто мимо прошёл.

На широком боку панельного здания, чуть потёртый временем, красовался мурал — зелёное жайляу¹ в окружении тех же гор, юрты и бегающие ребятишки.

— Что ж ты промолчал?

— Да-а, — он махнул сигаретой. — Они вроде казахи были, а я казахского не знаю. Подумал, не поймут меня, неловко будет.

Ещё затяжка. Сегодня он курил больше обычного.

— А сейчас вот... думаю об этом.

Они спустились в подземный переход, и стало заметно тише. Только раздавался из динамиков негромкий перебор на домбре.

— Ну, в следующий раз не промолчишь. Теперь-то что поделывать.

— А ты? Ты-то зачем всем этим занимаешься?

Малик пожал плечами.

— Я всё никак понять не могу, какая тебе в этом выгода? Рассказни про сбор историй — это же просто отговорка.

Бродяга остановился.

— Я просто хочу принести хоть какую-то пользу миру. Хочу знать, что жил я не зря и хоть кому-то сумел помочь. Такое объяснение сойдёт?

Хан оглядел его. Окурок в зубах уже прогорел до фильтра. Прожужжала над головой пронёсшаяся сверху машина.

— Да, кажется, понимаю. Ты странный человек, я это уже говорил.

Бычок полетел в урну, из пачки извлеклась новая сигарета.

Проснувшийся город отряхивался и набирал обороты.

* * *

Ещё на подходе к церкви Малик увидел лежащее у ворот тело. Даже разглядел лицо и узнал давешнего дворника.

¹ Жайляу — летнее пастбище.

— Смотри, там человеку плохо.

— Бродяга, — Костя положил ему руку на плечо. — Вмещаешься — будут проблемы. К тому же ты можешь сделать только хуже.

— Я только вызову скорую.

Хан кивнул и выплюнул сигарету.

— От тебя другого не ждал.

Малик его не услышал. Он уже подбежал к дворнику, обнаружил, что тот ещё дышит, хотя и с огромным трудом, с натужным свистящим хрипом и судорожными корчами. Посиневшие руки хватаются за горло, выпученные глаза уставились в небо.

Он понятия не имел, что с ним. Вытащил телефон, набрал скорую. Гудки. Долгие. Надсадный хрип. У несчастного закатываются зрачки.

— Слушаю вас.

— Скорая? Нужна помощь, здесь человек...

— Дай-ка.

Хан вырвал у Малика телефон, поднёс к уху, зажал плечом. Присел на колено, приложил два пальца страдальцу к пульсу.

— Астматический статус. Тяжёлый. Да. Не знаю, — он спокойными движениями расстегнул мужчине ворот. — Момышулы — Ташкентская, по нижней стороне, возле церкви. Да. Я знаю, что делать.

Он сбросил и передал трубку Малику. Пошарился по карманам мужчины, вытащил баллончик со спреем, встряхнул, побрызгал в раскрытый рот.

Не у него ли только недавно тряслись руки и дрожал голос?

Константин закончил и тяжело опустился на землю. Дворник продолжал задыхаться.

— Это всё? — Бродяга недоумённо и недоверчиво уставился на него.

— Всё, что в моих силах. Дальше от медиков зависит. И от Него, — он ткнул большим пальцем в сторону церкви. На лбу блестели капли пота.

* * *

Спустя некоторое время они сидели на скамейке во дворе Хана. Бродяга смотрел на небо, Костя нервно дымил выпрошенной у фельдшера сигаретой. Его трясло.

Костя затынулся. Малик шмыгнул носом.

Из подъезда вышел рыжий мужик с набором инструментов в руке, подозрительно глянул на них, подошёл к припаркованному рядом «Запорожцу». Разложил инструменты, открыл капот и стал ковыряться в потрохах автомобиля.

Малик почесал затылок. Костя кашлянул.

— Ты, кажется, хотел услышать историю, — он наконец прервал молчание. — Сейчас ты её услышишь, — он затынулся, надолго, со вкусом. Выдохнул дым: — Так, вот, жил в нашем городе один студент медицинского. Готовился, значит, в хирурги. И однажды поехал он к своему дальнему родственнику на какой-то там праздник, уже не помню. Началось там, как обычно, веселье, все нахрюкались... И один, кхм, дальний родственник дальнего родственника по ошибке глотнул уксуса.

Мотор «Запорожца» взревел, поурчал пару секунд и утих. Мужик матернулся и полез под машину.

— Началось, в общем. Все паникуют, студентик подбегает к нему, видит — ожог гортани, отёк, воздух не поступает — всё, край! — он взмахнул рукой. — Там бы и загнулся, но студентика обучил один... умный профессор т-тра... трахеостоме. Ну, он по сторонам огляделся, взял ручку, наспех обработал водкой, ну и... — Хан сжал кулак и сделал резкое движение вниз.

— Получилось? — Малик был восхищён. Он такое видел только в фильмах.

— Получилось, — протянул Костя. — Мужик выжил. А через полгода подал на студента в суд.

— За что?

— За то. Там приготовления были кое-как проведены, у него голос изменился, и вообще, у этой штуки масса сопутствующих... Короче, в суде меня оправдали, но с последнего курса выгнали. Во-от. Помог, называется.

Снова раздался рёв мотора, потом скрипящий визг и вновь — тишина.

— Но человека-то спас.

— Спас, — Хан встал со скамейки, выбросил бычок в урну и повернулся к Малику. — Ладно, Бродяга, я пойду. Не знаю, как тебя, а меня вот... трясёт, — он запахнул пиджак, огляделся.

— Удачи тебе. Я как-нибудь ещё зайду.

Они попрощались, и Костя пошёл к себе — писать картину, а Малик — в сторону выхода со двора, по своим делам.

Эту историю точно следовало записать.

6

Новый день принёс с собой новое дыхание осени. Посмурневшее небо наливалось свинцом, с деревьев осыпалась жёлтая листва, холодный ветер норовил забраться под одежду.

В такую погоду всегда хотелось пить.

Константин Хан смотрел на церковь и курил. Дворник во дворе подметал разноцветный мусор, сгребал в кучи, долго стоял, разгибаясь и поглядывая на бледное солнце.

Увидев Хана, он прервался и пошёл в сторону сторожки.

«Что, опять прогонять будет?» — думал Костя, наблюдая за приближающимся кистером. В руках у него не было метлы, зато был увесистый с виду пакет.

О нет.

Он подошёл к Хану, снял с руки перчатку и протянул ладонь. Широко улыбнулся.

— Спасибо тебе, дружище! Прости, я-то думал, ты алкаш какой, а ты нормальный мужик! — он закашлялся, когда Костя выдохнул дым. Протянул ему пакет. — Я... это... купил тебе вот.

Хан глянул внутрь и убедился в своей догадке. Бутылка коньяка, явно дорогого. Красивая этикетка на контурной бутылке, розовая акцизная марка на фигурной пробке...

«Ублюдок».

Улыбка дворника была искренней, а вот на лице Хана застыла резиновая гримаса. Он даже не заметил, как рука сама собой вцепилась в ручку пакета, и пальцы накрепко сжались, отказываясь отпускать драгоценный подарок.

Хотелось пить.

«Лучше бы ты там сдох».

Дают — бери. Это совсем не та бодяга, которую он обычно пил.

Он попытался было вежливо отказаться, но язык не слушался. Дворник отпустил пакет, и тот повис в руке приятной тяжестью.

От него и похмелья, наверно, не будет. Он ведь медик, он знает — иногда можно.

Но что скажет Малик? А главное, что он подумает?

Костя собрал волю и взмахнул пакетом. Раздался стеклянный звон, и в воздухе разлился дразнящий запах.

Кистер ошалелыми глазами смотрел то на пакет с осколками, то на вытекающие из него медные струйки, то на дрожащего Хана.

— Я б-больше не пью, — выдавил тот. — Из-звините.

Он развернулся и спешно ушёл, спиной чувствуя недоумённый взор.

Хотелось пить.

* * *

Константин Хан сидел на полу и сверлил взглядом картину. За окном уже темнело, и комнату освещала только желтоватая лампочка на проводе.

В этом свете каждый недостаток становился отчётливей. Хотелось пить.

Он поднял кисть, медленно, как скальпель к нарыву, поднёс её к полотну, остановился. Нет, нет. Так будет только хуже.

Хотелось пить.

Рука дрогнула, оставив пятно на золочёном куполе. Он тяжело вздохнул.

Это как в том сне с листом бумаги. Чем старательней пытаешься исправить, тем больше портишь. Как бы так аккуратно замазать пятно?

Хотелось пить. Он добавил пасты из тюбика, затаил дыхание и провёл кистью по холсту. Отодвинулся, взгляделся.

Так только хуже. Хотелось пить.

Он только всё испортил. Хотелось пить.

Может, краска не та? Хотелось пить. Может, попробовать иначе? Хотелось пить.

Он перевёл взгляд с купола и решил заняться попрошайкой и её рукой. Хотелось пить. Наверное, стоит...

Он не знал, что делать с этой проклятой попрошайкой и её рукой. Просто не знал. Хотелось пить.

Хан снова видел перед собой улыбающееся лицо дворника, ощущал тяжесть пакета, слышал звон стекла, вдыхал манящий запах. Хотелось пить.

Хотелось пить. Хотелось пить. Хотелось пить. Пить.

Странный шорох в углу. Возле занавески. Из плена неплотной ткани вырвалась толстая чёрная муха, кружась пролетела по комнате и села на картину, прямо посередине блёклого, кривоватого солнца. Посидела немного и стала довольно потирать лапки.

— А-а-а!

Хан ударил кулаком по холсту, картина полетела в сторону, мольберт грохнулся на пол, муха недовольно прожужжала и села на потолок. А он всё бил и рвал, разодрал полот-

но, разломал подставку, разбросал кисти. Из оскаленного рта брызгала слюна, он что-то бормотал, как во сне, и давился бессильным криком, и топтал ногами золочёный купол, и попрошайку с длинной рукой, и рассветное небо.

Потом встал посреди устроенного погрома, осознал, что только произошло, упал на пол и заплакал.

* * *

Ночь была сладкая, как спирт. Внутренний жар не страшился прохладного ветра, клокотал под кожей и выплёскивался песней наружу.

Он шёл дворами, теми чудесными дворами, что бесконечно и причудливо перетекали друг в друга, дворами, в которые можно было зайти в одном месте, а уж выйти...

Он шёл, встречая редких прохожих, и пустые детские площадки, и ночные магазины, и отгороженные сетками огороды, и чучела из крашенных покрышек, и прочее, и прочее, и прочее...

Он шёл, вкушая тишину безлюдных дворов, вдыхая ночной прохладный воздух, наслаждаясь причудливым сочетанием старины и современности, узором горящих окон, сияньем бессмертных звёзд и диодных фонарей.

Хан спустился по древней полуразрушенной лестнице, споткнулся, упал, встал. Сегодня он был готов подниматься сколь угодно раз. Он прошагал под аркой и оказался на проспекте. Остановился, очарованный старой советской мозаикой на боку панельного дома.

Изображала она храм, не понять какой. Было в ней два цвета: пыльный серый и тёмно-бордовый, такой же, как у порослей дикого винограда на стене здания. И была она прекрасна.

Раздался чудовищный рёв, будто разверзся ад, и по улице промчался мотоцикл. Хан отвлёкся и побрёл вдоль ряда зданий, разглядывая другие мозаики: церкви, мечети, мавзолеи...

Навстречу шёл человек. Он держался тени, в руках его была спортивная сумка, походка его была спокойной и величавой — будто каждый шаг выжигал в земле глубокий след. Завидев Хана, он, однако, собрался и ускорился.

— Уважаемый! Уважа-аемый!

Незнакомец проигнорировал его и прошёл мимо. Костя увязался за ним.

— Дайте денег, будьте добры! Уважа-аемый!

— Отвали, алкаш! — процедил он.

— Христа ради!

Он обернулся, и в свете фонаря он увидел его лицо, золото волос и серебро очей. Он был ангелом, не иначе, и он шёл, чтобы карать недостойных.

Ангел выкрикнул что-то гневное, и под дых врезался кулак. Хан согнулся, исторг из себя желчь и упал. Поднял голову, сквозь мокрую пелену увидел, как ангел уходит. А он лежал перед ним, пьяный и облёванный, и плакал от счастья.

Константин Хан лежал в свете фонаря, в окружении старых фресок, умиротворённый, будто заново родившийся. Он только что понял, что ему нужно делать.

7

Бродяга вошёл во двор Хана, держа в руках проявленные снимки. Фотографии вышли, честно говоря, не ахти, но он хотел услышать его мнение.

В песочнице что-то блеснуло. В той самой, где он недавно успокаивал разбуянившегося Костю. Он подошёл, наклонился.

Нет, не крестик. Просто осколок стекла с остатками этикетки. Малик выкинул его в урну, отряхнул руки и направился ко входу.

Домофон долго пищал. Он уже было подумал, что хозяина нет дома, но вдруг динамик выдал хриплое:

— А? Кто это?

Странное предчувствие. Неужели...

— Это Малик.

— А-а-а, Малик... — молчание. — Ну что, заходи.

С тяжёлым сердцем он шагнул в подъезд, поднялся по лестнице, нажал кнопку звонка. Замок сухо щёлкнул, дверь отворилась, и Малик обомлел.

Константин Хан стоял в проёме, опираясь на стену. Полубезумные глаза осматривали Бродягу, рот кривился в косой усмешке, мокрые волосы спадали на лоб.

— Привет, Маллик. Ты чего зашёл?

Бродяга молча протянул снимки. Он взял их, поднес к лицу.

— А, это... Это мне больше н-не нуужно.

Он шаркающей походкой направился в глубь квартиры. Махнул рукой.

— Проходи, чего стоишь.

Малик прикрыл за собой дверь и последовал за Ханом, всё больше поражаясь. Крепче обычного несло перегаром, красками и куревом. Всюду валялись бутылки и окурки. Войдя в комнату, он увидел стоящий посреди беспорядка косоногий, кое-как скреплённый мольберт и картину на нём.

«Так быстро? Он что, вообще не спал?»

Это был парень возрастом, возможно, чуть старше Малика, с длинными светлыми волосами, собранными на лбу лентой, с сурово сведёнными бровями над белым пятном вместо глаз, с презрительно оскаленным ртом. Позади его — сияние, как на плакате с супергероем или на иконе.

— Кто это?

— Ангел, — коротко ответил Костя, поднимая над картиной кисть. Один лёгкий мазок очертил глаз «ангела».

Малик приподнял бровь.

— А чего злой такой?

— Ещё бы он был добрым, — он наложил ещё штрих, отодвинулся, придирчиво оглядел результат. Сегодня Хан был немногословен.

— Так ты решил... не бросать?

— Нееет, — он покачал головой. — Я должен пить, чтобы рисовать. А рисую я, потому что с-сверху... — он указал кистью на потолок, — так решили. А кто я такой, чтобы им противиться?

С этими словами он поднял с пола початую бутылку и отхлебнул с горла. Выдохнул.

Малик сомневался.

«Раз он так считает... И раз ему это на самом деле помогает... Действительно, кто я такой, чтобы вмешиваться?»

— Я тебя понял, Костя. Удачи тебе.

Он чувствовал, что мешает, и к тому же хотел вдохнуть свежего воздуха. Поэтому направился к двери.

Сзади что-то тяжело упало. Малик обернулся и увидел, что Константин Хан лежит на полу и слабо подёргивается.

Часть II

И вот без причины,
Опять без причины,
Исчезнешь, на свет появившись едва,
Ведь только песчинка,
Ты только песчинка
В руке божества.

Так чем же кичишься,
Что резво так празднуешь?
Ничтожно твоё торжество...
Зачем в этом мире,
Да мире неназванном,
Зачем ты живешь, существо?
«Существо», Пикник

1

В пасмурную погоду сквозь серую пелену видны были только силуэты гор, но их присутствие чувствовалось постоянно. Накрапывал мелкий дождь, покрывая дрожащей рябью гладь Сайранского водохранилища. Осенняя ржавь ползла по городу.

Бродяга брёл, укрытый дождевиком, по асфальтовым тропинкам вдоль озера. Редкие прохожие не обращали на него внимания. Брёл, сунув руки в карманы, уставившись в одну точку, поглощённый тяжёлыми мыслями.

Группка полицейских проводила его внимательными взглядами. Поджарая овчарка повернула голову, и над намордником Бродяга увидел её скучающие глаза.

«Закладчиков ищут», — догадался Малик. Прошёл мимо и свернул на улицы частного сектора.

Силуэты гор скрылись за широкой новостройкой. Он по памяти нашёл нужный поворот и остановился у жестяных зелёных ворот. Постучался. Подождал.

Залаяла собака, ей отозвалась соседская, и по всему переулку прошёлся лай — короткий басистый, звонкий залиvistый, тонкий щенячий. Он постучал ещё раз.

Услышал, как заскрипела дверь. Захлопали по лужам сланцы.

— Кто там?

Женский голос, строгий и очень знакомый. Он усмехнулся.

— Я.

— Кто «я»?

Звякнул два раза замок, калитка приоткрылась, узкое белое лицо осторожно выглянуло наружу.

— Ах!

Он стоял, опёршись на забор, мокрый и уставший, и невесело улыбался.

* * *

— Честно говоря, я не собирался возвращаться, но ситуация так сложилась...

— Исчез сначала, потом три года где-то шлялся, теперь приходишь и просишь денег, — она поставила на пробковую подставку заварник, вынула из шкафа пиалку. — Тебе с молоком?

— Без.

Дарина налила дымящегося крепкого чая, протянула ему.

— Ты есть хочешь?

— Я не голоден и здоров, — терпеливо заверил её Бродяга.

— Точно?

— Точно.

Она наконец перестала суетиться, налила себе молока в чай и села за стол. Сложила на столешнице локти.

— Ты к нам надолго?

— Не знаю. На несколько месяцев, наверное.

— А-а-а, — она подула на чай. — Так что у тебя? Где был, что делал?

— Я... — он вздохнул. — Путешествовал и собирал истории. Могу тебе рассказать, если хочешь.

— Понравилось?

— Как сказать... — Бродяга отхлебнул из пиалки. Знакомый вкус, почти забытый. — Я и сам не знаю. Но, послушай... — он приподнял ладонь, останавливая новый вопрос. — У меня тут друг с микроинсультом свалился. Ему нужны деньги на лечение. Если ты мне одолжишь, я могу...

— С инсу-ультом? — она быстро отхлебнула чая, деловито спросила: — Сколько?

Он назвал сумму. Такую, какая бы не затруднила ни сестру, ни его, и какую бы он смог вернуть за несколько месяцев упорной работы.

— Ммм, — она задумалась, что-то подсчитывая в уме. — Будет. Будет.

— Спасибо.

Бродяга расслабился и откинулся на стуле, оглядывая кухню. Всё те же обои, дорогие, но старые, местами отклеенные. Мебель всё та же, и сервиз... А вот микроволновка стояла новая, в чёрном пластике, с цифровым экраном.

— Как там кафешка?

— Ой, там всё по-старому, — Дарина махнула рукой. — Шефа только нового наняли, вроде толковый.

— А что с дядей Устином?

— Дядя Устин умер.

— Да? — он стукнул пиалкой о стол. Негромко тикали часы. — Когда?

— В прошлом июле. В сердце у него шунт какой-то отошёл.

Прошлый июль. Чем он тогда занимался? Не вспомнить.

— Жалко, — только и нашёлся Малик.

Они опять молчали. Чай закончился, и сестра сразу налила ещё.

— Что-то починить нужно? Дома там, на работе?

Она почесала нос.

— Фильтры бы поменять. Муж занят вечно, а у меня сил не хватает.

— Ты замуж вышла?

Бродяга сразу глянул на её руки и увидел кольцо. Ну надо же.

— Ага.

Задрезжал звонок. Дарина вскочила.

— Вот он и пришёл, наверно.

«Так они звонок поставили...» — мельком подумал он.

Снова скрипнула дверь. В дом вошёл высокий смуглый казах лет тридцати.

— Знакомьтесь. Это Алан, мой брат. Помнишь, я тебе про него рассказывала?

— Помню, помню. Очень приятно. Я Жора, — он выглядел недоумённым, но быстро улыбнулся и пожал Бродяге руку. Ладонь у него была худая и крепкая.

— Здравствуйте. Жора? — переспросил Алан.

— Жарылкасын, — уточнил он, снимая обувь. — Но вообще Жора.

— А-а-а.

— Что у тебя там с работой?

— Нихрена, — он устало помотал головой и пошёл в соседнюю комнату, переодеваясь на ходу.

— Есть хочешь?

— Да.

Он исчез за дверью.

— Жора декоратор, — объяснила сестра. — Сейчас занимается домом одного богатея, а тому Картина нужна. Пряма Картина. Вот он ездит по городу и ищет художников, а всё не то.

— Ха, — Бродяга усмехнулся. Было это божественным провидением или простой случайностью? Неважно. — Кажется, у меня есть, что вам предложить.

* * *

В квартире Хана больше не пахло ни красками, ни спиртом, ни табаком. Только слегка тянуло горьковатыми лекарствами. Картины аккуратно сложенными стопками лежали в углу, недописанный портрет покоился рядом. Бродяга очень надеялся, что *пока* недописанный.

Хозяин обиталища, недавно выписанный из стационара, лежал на кровати, укрытый одеялом. Паралич начинал проходить, руки и ноги уже шевелились, хоть и плохо, левое веко тяжело висело на косом глазу. Говорил Хан невнятно и с трудом. Больше жестикулировал.

— Как себя чувствуешь?

Он вздохнул, хрипло, со свистом.

— Всё так жже.

Бродяга кивнул.

— Поправляйся. У меня тут есть новость, которая тебя обрадует.

Костя повернул голову в его сторону, двинул рукой — мол, говори.

— Возможно, нашёлся покупатель для твоей картины. Мне нужно будет сфотографировать её и все остальные и показать ему.

Хан долго молчал. Мучительно долго.

— Еммсть промлемма.

— С фотографиями? Но иначе мне придётся водить к тебе в квартиру людей.

Он с усилием помотал головой.

— Не хочешь продавать?

— Я ззапыл.

Алан уставился на него.

— Что забыл?

— Ллисо, — он поднял руку и указал в сторону портрета. — Я нне поммну лица.

Бродяга застыл.

— Совсем?

Хан натужно кивнул. Алан потёр виски пальцами.

— Ч-чёрт. Ну, раз так... — он собрался. — Я покажу ему другие картины. Может, что получится. Ты не против?

Он снова двинул рукой.

— Нне прротиф.

— Хорошо.

Алан разложил по полу все картины — их было около десятка. Большинство изображали различные церкви, но были и пейзажи: он узнал Сайран в своем летнем великолепии, гостиницу «Казахстан», оживлённый парк где-то в старом городе...

Часть полотен была незакончена, ещё часть — перечёркнута крест-накрест размашистыми мазками. Бродяга сфотографировал все.

Попрощался с Ханом и побежал проявлять плёнку.

* * *

Жора-Жарылкасын поздоровался с Аланом, протянул ему фотографии и сел рядом на скамейку.

— Портрет ему понравился, — сразу заверил он. — Говорит, даст не меньше миллиона, если Хан его завершит.

Бродяга мрачно покачал головой.

— Если. А с остальными?

Жора цокнул языком.

— Ему нужен портрет. Я поездил по другим клиентам, они дают по пятьдесят-сто тысяч. Обычные цены. Но за него...

Издалека донёся раскатистый азан¹. Жарылкасын обернулся от неожиданности. Алан сидел, погружённый в мрачные раздумья.

«Сто тысяч тоже неплохо, в конце концов. Надо спросить у Хана».

— Там мечеть, что ли? — спросил Жора.

— Возле супермаркета, — кивнул Бродяга.

— А-а-а.

Жора вынул пачку сигарет и закурил. Призыв к молитве плыл по городу. Прохожие останавливались — кто разворачивался и следовал на звук, кто слушал и шёл дальше по своим делам. Жарылкасын курил, Алан молчал.

Стихло.

— Как тебе семейная жизнь? — высказал он давно назревавший вопрос.

Жора вынул сигарету изо рта, задумался.

— Как сказать... — он почесал затылок. — Возни, конечно, много. И это ещё детей нет. Но, знаешь, жизнь осмысленней стала. Раньше для себя жил, вроде бы и проще, а вроде бы и... зачем?

Бродяга кивал.

— Понимаю. Не то чтобы разделяю, но понимаю.

— К этому прийти надо. Вот тебе сколько?

— Двадцать три вот стукнуло.

— Ну... — он затаился. — Я в твоём возрасте тоже об этом не думал. А сейчас вот...

Жора выкинул окурочок в фигурную урну с орнаментом на боку.

— Просто задумался, какой след в мире оставлю. Был бы я талантлив, как этот твой Костя — после меня остались бы картины, или скульптуры там, или книги... бәрібір². Для великих дел уже староват, да и не гожусь я на них. Только и остаётся, что детей вырастить, чтобы хоть они лучше меня были.

¹ Азан — мусульманский распевный призыв к молитве.

² Бәрібір — Всё равно. (каз.)

Налетел прохладный ветерок, и Алан поёжился. Встал, потянулся.

— Сделать так, чтобы будущее поколение жило лучше нас. Хотя бы немного, — констатировал он.

— Да, — согласился Жарылкасын.

Он тоже встал. Бродяга протянул ему фотографии.

— Пусть у тебя побудут.

Они попрощались и пошли каждый в свою сторону. Дела ждали — не великие, но всё равно важные.

2

Андрэй стоял перед шеренгой и помахивал резиновым ножом.

— Когда ты вступаешь в бой с кулаками против ножа, ты должен понимать, что твои шансы выжить в лучшем случае равны одному из трёх. Далее они стремятся к нулю в зависимости от вашей разницы в навыках. Поняли?

Все кивнули. Тут были начинающие: дети, отданные в секцию, женщины и подростки. Выделялся новичок — жилистый, длинноволосый, быстрый в движениях. Этот всю тренировку нервировал Андрэя своим внимательным странным взглядом.

— Ты... Алан, верно? — подозвал он новичка. — Драки с ножом лучше будет избежать. Но если избежать не получится... — он бросил снаряд новичку, тот рефлекторно поймал. — Бей. Сбоку, снизу, неважно.

Алан быстро прикинул, сымитировал удар. Тут же оказался скручен в болевой и повержен на маты.

— Видели? — довольно ухмыльнулся Андрэй. — Вставай. Теперь медленно.

Они отработали ещё несколько приёмов, потом проделали физические упражнения и закончили тренировку.

Тренер Гжегож, поляк родом из Англии, человек огромного роста и огромного мастерства, подошёл к нему в раздевалке.

— Что ты всю тренировку нов́ичка пинал?
Андрэй ухмыльнулся.
— Проверял, на что он способен.
— Ты смóтри, не распúгай учени́ков! — шутливо по-
грозил Гжегож. — Ладно, Рэй, до пятни́цы.
— Давай.
Тренер исчез в проёме, и сразу за ним вошёл Алан. Вы-
глядел он усталым и довольным. Прямо-таки счастливым.
— Ну чё? Как тренировка?
— Тренировка? А, да, неплохо.
— Будешь ходить? — Рэй поправил волосы, натянул
ленту на лоб.
— Да. Да, — тот, казалось, думал совсем о другом. —
Слушай, Андрей...
— Андрэй. Через «э».
— Извини. Андрэй. Одному моему знакомому худож-
нику нужен натурщик твоего типажа. Нет желания?
— Натурщик? Это голым позировать?
Алан усмехнулся.
— Нет. Только портрет. Пару вечеров на стуле поси-
дишь и получишь гонорар.
— Хм, — Рэй задумался. Поднёс к носу пропотевший
носок. — Нет. Не хочу.
Новичок приподнял бровь.
— Ты уверен?
— Уверен. Увидимся, Алан, — он закрыл шкафчик, су-
нул наушник в ухо и вышел из раздевалки.

* * *

Ещё издали заслышав шум приближающегося поезда,
он поспешил. Миновал рамку металлоискателя, на ходу
вытаскивая карту, поднёс её к терминалу, спешно спустил-
ся по лестнице и побежал к путям.

Молодой мент раскинул руки, преградил дорогу.

— Келесі, келесі!¹

Рэй затормозил, двери поезда с шипением затворились, на табло загорелось «11:20», полицейский вразвалку зашагал вдоль жёлтой полосы, насвистывая и помахивая жезлом.

Андрэй тихо выругался и сел на скамейку. Прибавил громкости в наушнике.

I try to think about tomorrow,
But I always think about the past...²

Он сидел, вперившись взглядом в отсчитывающее секунды табло, постукивая пальцем по колену. Ожидание его раздражало.

I remember we were happy.
That's all I think about now.
That's all I think about now.

Движение сбоку. Жилистый, быстрый в движениях длинноволосый парень сел рядом и положил пузатую сумку к себе под ноги.

— Привет, Рэй.

If you have any doubt
I want to thank you anyhow.

Он покосился на Алана, нажал на паузу.

— Привет.

— Ты куда едешь?

— До конечной.

— А-а. А я до Сайрана.

Из тоннеля донёсся скрип и грохот. На соседние пути прибыл поезд, открыл двери, и станция наполнилась людьми.

¹ Келесі — Следующий. (каз.)

² «All I Think About Now», The Pixies.

— Не посчитай меня навязчивым, но я так и не понял причины твоего отказа.

Рэй обхватил указательный палец, согнул до щелчка.

— Не хочу, и всё. Чё пристал?

Новичок устало смахнул мокрые волосы с лица.

— Видишь ли, эта картина очень важна, и даже не для меня, а для моего друга. Было бы малодушием так просто отступить.

— Ну так найди кого-нибудь другого.

Средний палец хрустнул звонко, вкусно, аж онемел.

— Нет. Нужен именно ты.

Рэй приподнял бровь.

— Именно тебя мой друг увидел на улице и именно твой портрет рисует. И то, что я тебя случайно встретил — поразительная удача. Я бы даже сказал — судьба.

Андрэй хмыкнул и вернулся к пальцам.

— Или совпадение. Звёзды так сложились.

— Даже если и так, — надавил Алан.

Безымянный палец хрустеть отказывался. Ухо улавливало далёкий, на пределе слышимости, шум приближающегося поезда.

— И чё? Ещё я позволю каким-то звёздам решать, чё мне делать, а что нет.

Алан встал, заглянул ему в глаза.

— И всё же подумай. Прошу тебя.

Рэй обхватил весь кулак, сжал до треска, довольно пошевелил пальцами. Оскалился.

— Может, и подумаю.

* * *

По пятницам проводились спарринги. Обычно он выходил на ринг с Гжегожем, и изредка даже побеждал, но в тот день к нему подошёл Алан.

— Рэй, не хочешь со мной подраться? — он надел одну перчатку и неуклюже натягивал вторую.

Андрэй оценил его долгим взглядом. В сощуренных глазах хитрый блеск, уголок губы приподнят в усмешке. Очевидно, это было не просто приглашение на спарринг. Очевидно, отказаться он не мог.

— А давай.

Алан наконец затянул ремешок и энергично стукнул кулаками. Рэй сунул в зубы капу, азартно оскалился.

Он запрыгнул на ринг, встал напротив новичка. Поднял руки. Широко открыл глаза, расфокусировал взгляд.

Вес на заднюю ногу. Противник сосредоточен. Замах! Рэй подшагивает, собирается ударить, но едва успевает заблокировать выпад другой рукой. Отпрыгивает назад.

«Обманки, значит. Понятно».

Он непрерывно движется, норовя зайти то справа, то слева. Алан хоть и держит дистанцию, но явно за ним не поспекает.

Двойка в лицо, хук в незащищённую печень. В зубы прилетает смазанная оплеуха — не больно, но неприятно. Дыхалка начинает сдавать.

Они обмениваются ударами, расходятся, тяжело дыша. Снова начинают кружиться.

«Надо бы заканчивать. И не тратить сил».

Алан чуть опускает руки, шанс! Прямой удар, отбив, он выходит на бросок. Рэй моментально сдвигает таз, и на маты летят оба.

Удар выбивает воздух из лёгких Алана, мельчайшая задержка — и его нога в болевом.

«Отсюда не выберешься».

Рэй выкручивает ему ступню, тот пытается что-то сделать, но безуспешно.

«Сдавайся. Давай же».

Сопrotивляется. Он давит сильнее, сжимает зубы.

«Сдавайся!»

Вены вздуваются, пальцы непроизвольно сжимаются от боли, жилы каменеют.

«Ну же!»

— Рэй! Хватит!

Он выпустил ногу Алана и откатился в сторону. Поднялся, откинул мокрые волосы со лба.

— Стучать надо! Стучать! — втолковывал новичку Гжегож, хлопая рукой по мату. Тот сидел, тяжело дыша, и разминал ступню.

— Извините... Извините.

Их взгляды снова сошлись, и Андрэй победно усмехнулся. Пожал Алану руку, помог встать.

— Хороший бой, — похвалил он слегка небрежно, свысока.

Новичок кивнул. Он выглядел довольным, хоть и уставшим.

— Хороший... Повторим... как-нибудь?

— Повторим. Ты только стучи... в следующий раз.

Он усмехнулся.

— Обязательно.

3

Длинный автобус-гармошка катился по улице, слегка покачиваясь на манёврах. Андрэй сидел на одиночном кресле и поглядывал в окно, на проплывавший мимо город. В левое ухо наушник изливал грохот перкуссии и визг электрогитар. Правое прислушивалось к окружению на случай внезапной атаки.

Салон пустовал. Все сидячие места были заняты, группка студентов стояла возле терминала оплаты и о чём-то разговаривала. Впереди сидел пацан в школьной форме — совсем малой, вероятно, ещё в первом классе. В руках — телефон. В ушах — наушники. В обоих.

Старый автобус заскрежетал гнилым нутром и остановился. Зашипела гидравлика дверей, и в салон ввалился какой-то дед. Поднёс карту к терминалу, подошёл, на ходу засовывая её в карман. Встал, поглядывая то на школьника, то на Рэя.

Тот косился на него. Ждал. Собирался уступить место, но только после просьбы.

Вместо просьбы дед наклонился к первокласснику и дёрнул того за рукав. Показал кулак.

Андрэй сощурился.

Мальчик, только сейчас его заметивший, быстро встал. Не сказал ни слова. Андрэй наблюдал.

Когда старик уселся и вместо благодарности дал школьнику подзатыльник, он оскалился. Вытащил из уха наушник, встал, подошёл, схватил деда за ворот.

— Слышь, падаль.

Он был лёгкий — Рэй запросто приподнял его одной рукой. В бегающих глазах сначала появилось непонимание, затем — страх.

— Ты что делаешь! Отпусти меня! Эй!

— Ты чё к пацану прикопался?

— Он мне место не уступил! — возмутился старик. — А ну отпусти!

— Ты бы вежливо попросил, — с тихой угрозой прорычал Рэй. — Что ж ты меня не выгнал?

По автобусу пошёл шёпот. Кто-то вытащил телефон.

— Молодой человек! Прекратите! — потребовала какая-то женщина с задних сидений.

— Заткнись!

Автобус продолжал ход. Водителю явно было до лампочки. Пока что.

— Я н-не обязан... Я...

— Извинись, — с ухмылкой потребовал Рэй.

— Поч-чему это?

— Я тебя из автобуса выкину, — пообещал он.

Дед открыл рот. Промолчал.

— И-извини, — буркнул он.

— Да не передо мной! — тряхнул его Рэй. — Перед ним.

Мальчик стоял, дрожа от страха, ничего не понимая.

— П-прости. Прости, пожалуйста.

— Так-то лучше, — он выпустил старика, развернулся и на следующей же остановке покинул автобус.

Остаток пути шёл пешком.

* * *

В квартире было темно — свет раздражал расширенные от капель зрачки. Сквозь неплотные шторы остро и неприятно сиял фонарь. Он закрывал глаза руками, но лежать так было неудобно.

Он вспоминал.

— В правом глазу разрыв, Андрэй. В левом сетчатка истончилась, надо укреплять.

Он несколько раз моргнул липкими веками, повертел глазами яблоками, онемевшими, будто покрытыми лаком.

— Операция стоит, как раньше? — нарочито спокойным голосом.

— Да. Сейчас сделаете?

— Сейчас, чё ждать.

Врач кивнула.

— Позже вам чек выпишут, в кассе оплатите и придёте.

— Да.

Его волновали не деньги. Зарплаты помощника тренера вполне хватало на скромное житие, а большего и не нужно. Волновала не сама операция, безболезненная, но неприятная. Волновало его другое...

Врач со склизким звуком убрала линзу и стала её протирать. Сразу же подбежала медсестра, прочистила ему глаза ваткой. Стало лучше.

— Месяц соблюдаем охранительный режим. Не наклоняемся, тяжести не таскаем, контактными, силовыми видами спорта не занимаемся.

Рэй кивнул.

— Памятку вам дать?

— Не нужно. Не в первый раз.

Он поднялся со стула, приоткрыл один глаз и напрувился в сторону выхода.

— У вас сетчатка слабая, Андрэй, — строго напомнила врач. — Вам нагрузки вообще противопоказаны.

— Я знаю, — он безразлично закрыл за собой дверь.

Волновало его даже не то, что каждая такая операция приближает его к слепоте. Волновало только, что он рано или поздно не сможет заниматься боевыми искусствами.

Долго лежать было неудобно. Хотелось бы поспать, но уснуть не выходило — слишком привык доводить себя до изнеможения. В уме листались воспоминания.

Опыт работы официантом закончился разбитыми о зубы кулаками и ночью в каталажке. Для чего-то более компетентного нужно было получать образование, что представлялось невозможным. Что ещё? Работа грузчиком отпадает. Дворником? От одной мысли тошнит.

Зажужжало. Невидимая в темноте муха пролетела справа налево, умолкла, сев на стену. Он ударил ладонью, почувствовал что-то липкое. Поморщился, встал, в темноте вымыл руки и сел за стол. Вытащил телефон.

— Да? Что такое, Рэй?

— Гжегож, меня не будет неделю, — он откинулся на спинку, закинул ногу на стол.

— А что случилось? Заблел?

— Да операцию сделал. Ничего серьёзного.

— А-а. Ну давай, выздоравливай.

— Ага.

Он сбросил трубку и долго ещё сидел в темноте.

* * *

Поздним вечером третьего ноября, в одиннадцать часов сорок пять минут, в трёхстах пятидесяти семи километрах к востоку от Алматы, на глубине в шестнадцать километров столкнулись и вновь разошлись тектонические плиты.

В кратчайшее время толчок достиг города. Запищали приборы в раскиданных по области сейсмостанциях, зафиксировав землетрясение в три балла; проснулся в своей кровати Константин Хан, поглядел, недоумевая, в потолок и снова уснул; оторвался от рукописи Бродяга, прислушался и полез в интернет проверить, что ему не показалось; ничего не заметила, как и полагается коренному алматинцу, Дарина; повернулся к зазвеневшей в шкафу посуде Жарылкасын; встал под балку и включил телевизор вернувшийся с тренировки Гжегож.

Спустя пару минут город вернулся к своим занятиям.

В тот вечер Рэй шатался по городу, не зная, чем себя занять. Все накопившиеся домашние дела были переделаны, все лампочки поменяны, починен протекающий шланг для душа, выметен весь мусор и протёрты все поверхности. Однако недоставало ноющей приятной боли в мышцах.

Он шёл по небольшой улице в центре города, вдоль рядов двухэтажных сталинок. Иногда проезжали автомобили, иногда — велосипедисты или самокатчики с фарами на рулях.

Он свернул в тёмные дворы, прогулялся по ним. Обшарпанные стены с проглядывающим местами каркасом, гниющее дерево дверей и оконных рам. Рыжие трубы в облезлой желтоватой стекловате, многослойные объёмления на столбах. Рэй подошёл, чтобы разглядеть их ближе.

Не заметил натянутой проволоки, споткнулся, рассадил ладони. Раздражённо вытер о штаны, сорвал со столба объявление с очередным разводиловом и злобно разорвал. Пошёл дальше.

Ещё издали слышал топот, азартные крики и глухие удары. Едва вышел за поворот, как в лицо молнией, ночной птицей со свистом рассекаемого воздуха полетел мяч. Спасли рефлексы.

— Смотри куда бьешь! — заорал он и поднял кулак.

— Кешіріңіз! Кешіріңіз!¹ — вразной закричала орава запыханных, раскрасневшихся от игры детей.

Андрэй сунул руки в карманы и пошёл дальше. Драться не хотелось.

В следующем дворе царила темень, пустота и тишина, только возвышался посередине старый корявый дуб. Подул ветер, зашелестело, засвистело, застучали по асфальту желуди. Больно и неприятно прилетело по голове, по спине. Он потёр ушибы, посмотрел наверх. Успел разглядеть падающую ветку.

4

Андрэй спустился по лестнице, цепляясь рукой за перила, медленно переставляя ноги. Чуть правее открылась дверь, кто-то вышел, остановился.

Он вошёл внутрь и оказался в торговом центре. По памяти добрёл до зала, отворил стеклянную дверь. Привычно махнул стоящим у стойки девушкам, споткнулся о маты, упал бы, если б не чья-то рука.

— Рэй! Что случилось?

Алан.

— Ха? Ты про это? — он коснулся рукой повязки, скрывающей бесполезные теперь глаза. — Несчастный случай. Ты лучше скажи, который сейчас час? Не опоздал ли я на тренировку?

¹ Кешіріңіз — Извините. (каз.)

— Ты собрался тренироваться? — неподдельное удивление, даже ужас в голосе.

— Да. А что?

Молчание.

— Но как?

— Как обычно, — он начинал злиться.

— Прости, но ты только себя покалечишь...

— Закрой пасть! — он схватил Алана за ворот и занёс кулак. — Я тебе сейчас покалечу...

— Рэй! Успокойся.

Гжегож. Сзади, в двух с половиной метрах.

Он выпустил Алана, повернулся. Услышал два шага, почувствовал, как на плечи легли сильные руки.

— Андрэй... — тренер собирался с мыслями. — Успокойся. Скажи, что с твоими глазами.

Он сжал губы.

— Ветка на голову упала. Сетчатка отслоилась, и... — он развёл руками.

— Это лечится?

— Нет.

Гжегож тяжело вздохнул.

— Андрэй, ты не сможешь заниматься без зрения. Физические упражнения, разве что, но не техники.

— Я дошёл досюда и без зрения. Значит, и тренироваться смогу.

— Не сможешь, — он сжал его плечи. — Прости, Рэй, но нет. Мне... мне жаль.

Он заскрипел зубами.

— Я посижу рядом, Гжегож. Послушаю.

— Хорошо. Хорошо.

* * *

Он услышал шаги — энергичные, быстрые. Маленький Ваня, которого в секцию отдали родители пару месяцев назад.

— А что вы де-елаете?

Рэй продолжил молотить грушу. Выдавил сквозь зубы:

— Тренируюсь. Не видишь?

— А почему в повязке?

— Так надо.

Он постоял ещё немного, и дробный топот побежал в другой угол.

— А мы то-оже будем тренироваться в повязках?

— Делай упражнение, Ваня, — устало и строго приказал запыханный Гжегож.

Андрэй продолжал в ненависти колотить снаряд. Бил злобно, не рассчитывая сил, стирая в кровь костяшки. Он истосковался по этой боли.

Остальные уже закончили с физухой и приступили ко второй части тренировки. Отрабатывали удары ногами — ритмичные звонкие хлопки по макиварам смешивались с тяжёлым дыханием, прерывались терпеливыми объяснениями Гжегожа. Иногда и не слишком терпеливыми.

— Алан! Не отвлекайся!

Рэй с размаху впечатал кулак в грушу, и та закричала, раскачиваясь на цепи. Он знал, на что отвлекается Алан, на что отвлекаются другие, какие взгляды бросают в его сторону. Каждый, каждый, сука, посчитал нужным сказать что-нибудь ободряющее, пожалеть его.

Он никогда до этого так не жаждал окончания тренировки.

И всё же она закончилась.

— В шеренгú! В шеренгú! — раздались хлопки.

Рэй встал со всеми, со всеми поклонился, поблагодарил тренера. Кругом стали собирать снаряды, прощаться, расходиться.

Приблизились шаги, мягкие, но чёткие. Подошедший молча переминался с ноги на ногу.

— Что, Алан?

Если он и удивился, то виду не подал.

— Тебе не нужна помощь?

— Мне? Нет.

Алан продолжал стоять.

— Хотя... — Рэй оперся на стену рукой, прикинул. По привычке убрал волосы со лба. — Если ты сможешь мне дойти до дома, я буду благодарен. Может, даже соглашусь попозировать этому твоему художнику.

Он взял его за локоть.

— Хорошо, Андрэй. Я ему сообщу, — без радости, с некоторым смятением в голосе.

Ещё шаги, увесистые и уверенные. Гжегож.

— Что-нибудь рёшил? — его ладонь была мокра от пота.

— Пока ещё нет, — Рэй покачал головой. — Но я придумаю. Обязательно.

— Хорошо. Звони, если нужно будет. Удачи тебе, Рэй.

И даже в его голосе проскользнула жалость.

— Давай. Я ещё найду как-нибудь, — пообещал Андрэй нарочито бодро.

В этом он уверен не был.

5

Хотелось пить.

Константин Хан сидел на табуретке перед холстом и потирал щетину. Недорисованный ангел скалился с полотна. Он был творением его рук, и был явно этим фактом недоволен.

Десять минут назад Малик позвонил и сообщил, что ему удалось договориться с Андрэем, с человеком, которого он должен был нарисовать. Он радовался тому, что сможет наконец приступить к работе, но что-то грызло изнутри.

Хотелось пить.

Он вздрогнул, когда трель домофона разлилась по квартире, и пошёл открывать.

— А?

— Реклама, — раздался незнакомый молодой голос.

— К-какая реклама?

— Интернета.

— Мне?

— Нет, просто листовки по ящикам разложить.

Хан недоумённо почесал затылок.

— Ну заходи.

Разочарованный, вернулся к созерцанию картины. Вдруг понял, что ухо в этой перспективе выглядит странно оттопыренным и портит всю композицию. Да и вообще контур лица следовало бы подправить...

Резко зазвенело в голове. Он опустил голову и стал массажировать шею, восстанавливая кровоток. Хотелось пить. Пальцы левой руки ещё плохо слушались. Ангел с картины недовольно скалился. Хотелось пить.

Стук в дверь. Костя подпрыгнул на стуле.

«А это кто?»

Встал, подошёл к двери.

— Костя, открывай!

Искажённый линзой Малик стоял в подъезде и пытался докричаться. Позади него, опёршись на стену, покачивался человек, при взгляде на которого у Хана снова зазвенело в ушах.

— Привет, Костя. Я уж испугался.

— Привет, Малик, — он пожал ему руку. Повернулся к его спутнику. — Здравствуйте...

— Андрэй. Через «э».

Хан поймал его неуклюже вытянутую, впусую шарящую в воздухе руку, стиснул в ладонях.

— Проходите, проходите.

Слепец побрёл по коридору, поддерживаемый с двух сторон. Сморщил лоб.

— Как ты сказал? Малик?

— У меня много имен, — уклончиво отозвался Бродяга.

Костя не понял, о чём идёт речь, но промолчал, подставил табуретку и помог натурщику на ней разместиться. Тот облегчённо выдохнул.

— Ну... погнали, чё.

— Всё готово, Костя? — уточнил Малик.

— Да, да, сейчас.

Хан принёс второй стул с кухни и устроился на нём. Нервно облизал губы.

— Андрэй, верно?

— Можно Рэй, — кивнул он.

— Хорошо, Рэй. Нужно будет немного посидеть неподвижно. Скажешь, когда устанешь.

* * *

Ночь настала резко, за считанные минуты серый осенний день сменился сырым прохладным вечером. На кухне, в тусклом свете лампочки, этот вечер заползал в сердце, наполнял душу полубезумной горячечной хмарью.

Хотелось пить.

Рэй осторожно поднёс ко рту ложку с рисом — паби мури¹, как называл его Хан. Проглотил, запил горячим густым чаем.

— Слушай, Костя, — он стукнул чашку о стол, вытер ладонь о штаны. — Зачем ты рисуешь?

Тот с трудом проглотил последний ком риса, отложил пустую тарелку в сторону.

— Ну, есть талант, потому и рисую.

Андрэй ощерился.

— А если б у тебя талант был говно качать?

¹ Паби мури — рис с водой, рисовая каша по-корейски.

— Качал бы говно, — пожал плечами Хан. — Значит, сверху так решили.

— Сверху? — не понял Рэй. — Серьёзно?

— Серьёзно, — Костя кивнул и отпил чая.

— Нет, подожди, — он махнул рукой, — ты действительно перекладываешь ответственность за себя на какие-то высшие силы?

— Да.

— Но это же просто отказ от принятия решений! Это... глупо.

— Я принимаю решения, — возразил Хан. — Решение следовать высшему плану — это тоже решение. Я принимаю его каждый день. И я несу за него ответственность.

— Ха, — Рэй откинулся на спинку. — Интересно. Знаешь, Костя, если бы я поступал так же, я бы остался хилым больным мальчиком, каким я был в детстве. Но именно я выковал из себя... себя. Где б я иначе был?

— Твоя слепота — тоже результат твоих действий?

Андрэй осёкся. Когда заговорил вновь, голос его был полон тихой угрозы.

— Слышь, Хан. А я тебе и без зрения могу рожу поломать.

Костя прошёл к ящичку, вытащил из него коробку с таблетками.

— Наверняка сможешь. Не сомневаюсь.

Он выдал из блистера таблетки, бросил в рот.

Хотелось пить.

— Что, будешь стоять и не сопротивляться? Отдашься высшим силам?

Костя налил в рюмку горькой жидкости из бутылки, махом выпил.

— Я не настолько святой, к сожалению. Сопротивляться я буду.

— Ну вот. Всё же ты не безнадёжен.

Хан тяжело опустился на стул, выдохнул.

— А ты не думал, что мы с тобой сейчас тут сидим только благодаря череде совпадений? Только поэтому у меня появилась возможность закончить картину.

— Мы тут сейчас сидим только благодаря Алану, — Рэй указал пальцем в соседнюю комнату, где лежал задремавший Бродяга. — Это его ты должен благодарить за свою сраную картину.

— Я ему благодарен. Но откуда тебе знать, что и он не Его посланник?

— А откуда тебе знать обратное? Откуда тебе вообще знать, чего этот самый Он от тебя хочет?

В ушах зазвенело. Хан наклонился и стал растирать шею.

На самом он и сам не был уверен. Сам не знал, как трактовать последние события. Как понять, чего от него хотят. Хотелось пить.

— Ниоткуда, — только и смог ответить. — Я просто делаю, что мне кажется верным. Сейчас мне кажется верным закончить наконец портрет.

Андрэй махнул рукой и встал, чуть не опрокинув стул.

— Ну пошли, закончим твой портрет. Меня уже обрыдло с тобой спорить.

— Да. Давай заканчивать.

* * *

За окном уже начало светать, когда Хан в последний раз коснулся холста кистью и отодвинулся, чтобы придирчиво оценить результат.

Надо заметить, повязка добавила ангелу на картине выразительности. Правда, теперь уже оскал не соответствовал выражению лица. Тот, кто сидел на стуле напротив него, был более спокойным и мягким, более... человеческим.

Может, перерисовать портрет полностью?

Он зевнул. Смахнул с глаз слёзы, вцепился в картину взглядом.

Всё-таки блики на волосах не вышли так, как задумывались. Кое-где заметно, что повязка рисовалась сильно позже. Хотя, если не вглядываться... Хотя, если вглядываться...

Опять зашумело в ушах, захотелось пить. Он закрыл глаза, растёр шею. Неожиданно обнаружил, что второй шейный позвонок несколько искривлён. Остальные вроде бы на месте, но этот... Наверно, он пережимал сосуды, защемлял спинной мозг. Хан попробовал надавить на него пальцами, поставить на место, но ничего, разумеется, не вышло.

Вот он, несовершенный человек, собственной ленью доведший себя до такого состояния.

Он открыл глаза и увидел её. Ленивая, сонная, одна из последних осенних мух, она сидела на щеке нарисованного Рэя и взирала на Хана красными выпученными зенками.

Он прикусил губу. Хотелось пить. Шумело в ушах. Отвратительно выпирал шейный позвонок. Скалился с картины несовершенный ангел.

По подбородку из прокушенной губы потекла тёплая влага, отдающая металлом на вкус. Очнувшись, он с удивлением стёр кровь, посмотрел на неё, на картину. Резко махнул рукой, спугнув муху. Та взмыла куда-то к потолку, покружила немного и пристроилась в углу.

— Всё, — сказал Хан. — Готово.

— Ну наконец-то, — Рэй зевнул, потянулся. — Буди Алана, и давай уже заканчивать.

— Я слышу, — Бродяга сел на кровати, потёр кулаком лицо, смахнул волосы с глаз. Уставился на картину. — Прекрасно. Прекрасно, Костя. Ты... уверен?

— Да, да. Продавай её скорее, — Хан чистил кисть и складывал всё в ящик, стараясь не смотреть на портрет.

— Не хочешь ничего поправить?

— Малик, Бога ради, — поморщился он. — Никаких поправок.

— Хорошо, — Малик хлопнул по бёдрам, встал. — Сейчас я отведу Рэя и позвоню Жарылкасыну.

— Подожди, — прервал его Андрэй. — Я хочу поговорить с Жорой.

Бродяга сонно посмотрел на него.

— Хорошо. Сейчас, только умоюсь.

6

Константин Хан убирался в квартире. Сложил полотна в кучу, убрал мольберт в угол, собрал скопившийся мусор, вытер полы. На кухонном столе лежала карточка с миллионом тенге. Манила взгляд.

Надо было переводить дух и снова браться за кисть, но к творчеству не тянуло. Внутри ещё покоилась некая пустота, как и всегда после завершения картины. Обычно он заполнял её алкоголем, но сейчас...

Он опустил тряпку в ведро и полез под кровать. Наверняка там полно пыли и мусора. Вытянул руку, пошарил в сухой темноте. Вытащил засохший тюбик из-под краски, старый бычок...

Пальцы коснулись холодного стекла, он отдернул руку, как от огня. Зазвенело в ушах. Хан лежал на полу, слыша собственное сердце, сжав кулаки. Выругавшись, потянулся и вытащил находку на свет.

Малик собрал все бутылки и вынес на мусорку. Он сам его об этом попросил, незадолго после приступа. Он сам ужаснулся количеству найденного в квартире, сам пообещал себе, что больше никогда, ни капли...

Одну Бродяга всё-таки пропустил.

Она была покрыта слоем пыли, на дне плескалось немного жидкости. Благословенной, проклятой жидкости.

Хотелось пить.

Руки тряслись. Он поднёс нос к горлышку, хотел только вдохнуть запах, только на том остановиться. Глубоко вдохнул, будто в забытьи, на автоматизме, давно выученным движением перевернул бутылку.

Звон выдернул его обратно в жизнь. Он сидел на полу, пальцами упершись в колени, перед мутными осколками и хрустальной лужицей, тяжело дышал. Запах наполнял квартиру, проникал в ноздри.

Хан опустился на корточки, высунул язык, почувствовал на кончике жгучую жидкость. Выплюнул, стиснул зубы, застонал в омерзении к себе, захныкал. Схватил осколок, сжал в кулаке, горячая боль скользнула к мозгу, в котором всё жужжала невидимая муха, вернулась обратно, потекла на пол.

Хотелось пить. Никогда ещё ему так не хотелось пить.

Он медленно встал, подошёл к шкафу, баюкая пораненную руку. Выдвинул ящик, вытащил из него бритву, потрогал пальцем лезвия. Сойдёт.

На ходу раздеваясь, зашагал в ванную. Скорее!

Теперь-то он знал, что ему нужно делать.

* * *

По дороге ветер швырнул Алану в лицо большой жёлтый лист. Был он мягкий, сочный и чуть влажный на ощупь. Весь путь до дома Хана он держал его, не желая выпускать из рук.

В песочнице что-то сверкнуло. Он подошёл, присел на колени, зачерпнул холодный песок. Улыбнулся. В ладони, тусклый и потёртый, блестел крестик на порванной цепочке.

Он обтер его о штаны, положил лист на скамейку, подошёл к подъезду. Набрал квартиру Хана. Домофон пропиликал мелодию. Ещё раз. И ещё. Умолк. Бродяга снова набрал номер и прислонился к стене. Он начинал волноваться.

Трель сменилась частым писком, и из подъезда вылезла спиной вперёд женщина с коляской. Алан придержал дверь и проскользнул внутрь.

Взбежал, перепрыгивая ступеньки, по лестнице. Долго стучал в квартиру. Подумал было, что Хана нет дома, но какое-то подозрительное чувство копошилось внутри. Он прижался ухом к двери, прислушался.

Шум воды. Едва ли Хан ушёл, не закрыв воду. Он застучал ещё громче.

— Костя! Ко-остя, открывай!

Наконец раздались шаги. Алан облегчённо выдохнул. Дверь открылась.

Константин Хан, в одном полотенце, с бритой головой в порезах и клоках волос, с бритвой в опущенной руке, со спокойным безмятежным взглядом, стоял в проходе.

— Привет, Бродяга.

— П-привет, — не сразу нашёлся онемевший Алан. — Ты чего это?

— Проходи, — кивнул Хан и исчез в глубине квартиры. Малик последовал за ним.

С его руки на линолеум капала кровь. Возле кровати Бродяга разглядел осколки.

— Я, Бродяга, в монастырь пойду. Решил я.

— В монастырь?

— Да, — Хан босой ногой отодвинул стекло в сторону, с размаху опустил на кровать. Тут же сморщился и схватился за голову.

— Ты аккуратнее!

— Да понял я, понял, — он помассировал шею и поднял взгляд на Алана. — Короче, сам я бросить не смогу. Надо в монастырь идти, там, наверно, помогут.

— Ты... уверен? А картины?

Хан отвёл глаза.

— Ну, может, пристроят стены расписывать или иконы там рисовать... Ты меня не отговаривай! Я сейчас... сорваться могу, — он покосился на бритву.

— Да зачем же отговаривать. Раз ты так решил...

Алан начинал понимать. Для человека, как он, отказ от собственной воли и однообразная монастырская жизнь была бы невыносима, но для Хана... Наверное, для него это действительно лучший выход.

— А куда ты денешь деньги? — вспомнил он.

Хан пожал плечами.

— Оплачу жировки, а остаток куда-нибудь пожертвую... Ты ведь не против?

— Я-то что. Деньги твои. Я кстати, крестик твой нашёл, — вспомнил Малик.

Хан уставился на него, улыбнулся, накинул на шею.

— Вот уж выручил в очередной раз. Спасибо тебе, Бродяга.

— Да не за что. Тебе помочь чем-нибудь нужно?

— Мне, Бродяга, уже ничего не нужно, — покачал головой Хан. — Спасибо тебе за все и... я думаю, это последняя наша встреча.

«Даже так».

Он кивнул, крепко пожал напоследок запястье. Костя похлопал его по плечу.

— Не скучай, Малик. На все воля Его.

— Да уж не соскучишься. Удачи тебе, Костя.

Во дворе он в последний раз обернулся, уставился в окно квартиры, где жил Константин Хан, художник, медик и непростой судьбы человек. Пнул камешек и зашагал по дворам.

— Бывают же такие истории, — пробормотал он себе под нос.

* * *

На тротуаре, завёрнутая в толстое потрёпанное пальто, сидела бабушка. Перед ней на газетках теснились несколько коробок с яблоками и грушами.

— Яблоки поштучно продаёте? — Бродяга указал пальцем на один из ящиков.

— Он тенге¹, — растопырила она пальцы.

Он поискал в карманах и нашёл двадцатку. Протянул её продавщице, взял с прилавка два блестящих красных яблока, показал ей.

— Рахмет, балам².

Он кивнул и пошёл к скамейке неподалеку, где с руками в карманах спортивки, с тростью на коленях сидел Андрэй.

— Привет, Рэй.

Он резко выгнулся, как пружина, повернул голову. Расслабился.

— Привет, Алан.

— Вытяни руку.

— А?

Бродяга вложил ему в ладонь яблоко, сам сел рядом и вгрызся в своё.

— Как прошло?

— Нормально, — Андрэй протирал фрукт рукавом. — Спина побаливает, да я привык.

— Нравится?

Рэй усмехнулся.

— Не то чтобы у меня был большой выбор... Но да, неплохо.

Бродяга кивнул. Жора порекомендовал Рэя знакомым художникам, и тот уже начинал свykаться с профессией натурщика.

— Слушай, Алан, — тот посерьёзнул.

— А?

— Если бы не ты, я бы сейчас где-нибудь кланчил милостыню.

Бродяга пожал плечами.

— Я рад, что смог помочь.

¹ Он тенге — Десять тенге. (каз.)

² Рахмет, балам — Спасибо, сынок. (каз.)

— Ага, — Андрэй с хрустом откусил кусок яблока, проглотил. — Чё там с Ханом?

Алан вздохнул.

— Он в монастырь ушёл.

— В монастырь? Ха, — он откинулся на спинку, задумчиво захрустел.

Они сидели молча, слушали шум города, наслаждались последним тёплым вечером.

* * *

Закипел чайник. Дарина вскочила было со стула, но Жора остановил её.

— Сиди! Я сам выключу.

— Я тебе что, стеклянная теперь? — беззлобно возмутилась она.

— Сиди!

Алан переводил взгляд с одной на другого. Догадавшись, чуть не выронил пиалку из рук.

— Дарина, ты что... беременна?

Они переглянулись. Захотали.

— Понятно, — Алан откинулся на стуле, улыбнулся. — Поздравляю.

Жора налил кипятка в заварник, обнял жену, поцеловал в щёку. Та зарделась. Вот они, семья, и вот он, вечный свидетель чужого счастья и чужих трагедий. Он поставил недопитый чай на стол.

— Дарина, — тихо сказал он. — Я уезжаю.

— Уезжа-аешь? Снова?

— Да, — кивнул Бродяга. — Я тут уже все дела завершил.

Жарылкасын почесал затылок

— Уже? Ну, удачи, Алан. Было здорово с тобой свидеться.

— Когда уезжаешь-то?

— На неделе соберусь, — Алан почесал нос.

— Куда поедешь? Когда вернёшься?
— Не знаю. Куда дорога заведёт.
Жора покачал головой.
— Интересный ты человек. Ну, скажешь, как себе-
рёшься.
Бродяга кивнул.
— Скажу.

* * *

Некоторые вещи Бродяга доверял случайности. Рассудив, что на востоке делать ему нечего, он вытащил две монетки.

— Выпадет две решки — поеду на юг. Два орла — запад. Две разные — север.

Подбросил одну, другую, поймал. Убрал руку.

— Ясно.

А на следующий день выпал снег. На вокзале, перед старым вагоном, отстояв небольшую очередь, он попрощался с Дариной и Жарылкасыном, с Рзем, шагнул на поставленное вместо подножки ведро и вошёл в вагон.

Костя Хан прийти, к сожалению, не смог.

Он закинул наверх рюкзак, сам расположился на верхней полке, получил бельё, усталился в окно, за которым синело небо. Вытащил из кармана наушники.

Я сделан из такого вещества.
Из двух неразрешимых столкновений.
Из ярких красок, полных торжества,
И чёрных подозрительных сомнений...

За окном проплывали дома, машины, люди...

Я сделан из находок и потерь,
Из правильных идей и заблуждений.
Душа моя распахнута, как дверь,
И нет в ней ни преград, ни ограждений...¹

¹ «Я сделан из такого вещества», Альфа.

От усталости он задремал задолго до того, как за окном исчез город и появилась бескрайняя, припорошенная снегом, искрящаяся звёздами туманная степь.

Я сделан из далёких городов,
В которых, может, никогда не буду.
Я эти города люблю за то,
Что люди в них живут и верят в чудо...

РАССКАЗЫ

ИЗНАНКА

Это был обыкновенный лифт, не старый и не новый, не просторный и не тесный; с доской, обклеенной объявлениями в несколько слоёв; на кнопках углубления для пальцев и для грязи. Глеб Сентябрь бросил на них быстрый, колющий взгляд — все целы, значит, можно начинать. Он вдавил кнопку девятого этажа; ни люфта, ни щелчка, только чёткое, но ненавязчивое ощущение толчка. Вспыхнул огонёк. Двери без спешки и без колебаний закрылись, и кабина, ровно разгоняясь, двинулась вверх.

Этот лифт был похож на него самого.

Не молодой и не старый, не высокий и не низкий, крепкий и надёжный; покрытый следами, оставленными жизнью и тёмными личностями в капюшонах. Повязка через левый глаз, погасший светодиод на панели. Ассоциации росли и множились.

Лифт прибыл, открылись двери — безо всяких сигналов, видно, сломан динамик. Он был молчалив, как и Глеб. Ему это нравилось. Он отправил кабину на первый этаж.

Глеб Сентябрь занимался странным делом: гонял лифт с этажа на этаж, как хулиганящий школьник, и делал это с выражением терпеливой сосредоточенности на лице; впрочем, это выражение редко его покидало. Только сжались плотнее губы, когда кабина двинулась вверх после нажатия кнопки «1». Вдруг остро захотелось прервать ритуал.

Он довёл его до конца.

Двери открылись в коридор — обыкновенный на первый взгляд подъезд, только крашенный отвратительно

желтящей краской, длинный и странно петляющий, утыканный через разные промежутки дверями: стальными, деревянными, стеклянными, фанерными; новыми и блестящими, потёртыми и обшарпанными; с узорами и орнаментами, с пятнами краски, с блестящими глазками, с изящными фигурными ручками или совсем без ничего.

Это была Изнанка — то, что Дармина прячет под маской повседневности. Может, и другие Города так делали, но его они не волновали. Он шагнул в коридор. Замкнулись за спиной двери.

Источников света в Изнанке не было. Он поднёс ладонь к стене — ничего, только жёлтый отблеск, от такого скоро затощнит. Ячеистый потолок: гипсовые «печеньки» ломаются под рукой, а дальше только металл и стекловата; он вытер ладонь о куртку. Под ногами холодный бетон с вмонтированными осколками плиток: пестрота, пестрота и ничего больше.

Свет... Свет просто был.

За очередной развилкой он подумал, что идти обратно будет далековато; повернул — и увидел лифт, отошёл, вновь подумал о возвращении и вновь, как по заказу, встретил знакомые двери.

Он усмехнулся. Лабиринт, из которого можно выйти в любой момент. Диковинная фантазия, откликающаяся на тень мысли...

«Читала бы ты мысли по-настоящему, Изнанка, ты меня и близко бы к себе не подпустила».

Глеб Сентябрь оскалился и зашагал по коридорам, распахивая двери, минуя развилки и повороты, всё дальше и дальше в глубь лабиринта — если у лабиринта вообще была глубь.

* * *

Со Славкой он столкнулся неожиданно: в одной из вылазок, войдя в чужое здание, проверяя наугад лифты горо-

да. Ждал кабину и видел, как меняются на табло цифры: шесть (пауза), семь, восемь, девять (пауза), восемь, семь (пауза), шесть, пять, четыре (снова пауза, чуть длиннее, будто входят несколько человек разом, или кто-то возится с тяжёлой тележкой, или долго прощается в дверях; или читает Формулу, придерживая левым мизинцем кнопку; можно и правым).

Глеб дёрнулся и побежал к лестнице; миновал семь пролётов, взмок, сбил дыхание; подбежал к шахте лифта — и стал ждать. Предпоследняя остановка — здесь.

Сменяли друг друга цифры: пять, шесть, семь, восемь; и — пауза. Открылись двери. Уставились друг на друга тонкий, взъерошенный пятиклассник и учитель.

— Славка?

— Глеб Андреич! — распахнутые глаза, палец тянется к кнопке. Кнопке «1».

Глеб Андреич пнул двери (замерли, открылись обиженно) и вошёл в кабину. Навис над Славкой — не хотел нависать, но при такой разнице в росте это неизбежно.

— Вдвоём в Изнанку не попасть, — сказал он, дружелюбно — насколько мог.

Славка (как его? Точно: Конюнин) отводил взгляд.

— Какая Изнанка? Я не знаю... Я...

— Игрался? — какая-то страшная сила распирала его изнутри и вырывалась короткими рычащими фразами, будто сполохами огня из домны.

— Игрался, — повторил Славка слишком спешно и попался тем самым.

— Врёшь. Знаю — в Изнанку хотел.

— Нет!

Молчит, стиснув губы; упёрся исподлобья глазами — и отвёл глаза. Тяжёлый у Глеба Андреича взгляд.

Эдак ничего не выйдет.

— Я не ругаю, — заверил его Сентябрь, догадавшись сесть на корточки. — Я тоже в Изнанку. Хожу, видишь. Ничего страшного.

— Я ничего не знаю, Глеб Андреич.

— Знаешь, Славка, — молчит, отводит взгляд. — Ну, хочешь — дымку делать научу, с таблеток, а, Славка? Хочешь — пятёрку в четверти поставлю, а, Славка? Хочешь (он вдруг вспомнил, что Валентина Сергеевна недавно кого-то распекала, не Конюнина ли?), с математичкой договорюсь?

— Математику я знаю и так.

— А что не знаешь? Я хоть с кем — договорюсь. А, Славка?

— Ничего не знаю! Отстаньте! — ткнул в кнопку, убежал, зацепился портфелем; выпало что-то из кармана. Сентябрь схватил «что-то» в воздухе — он был очень быстрым, этот человек, если было нужно.

Медленно встал, разглядывая синий «фломастер», модную штучку для курения. «PINA COLADA» — эстетствует, засранец.

— Это не моё... Это... Одолжили...

Он молча бросил ему вейп. Подмигнул — или мигнул просто, с одноглазыми не сразу и поймёшь.

— Не увлекайся... Славка.

Убежал. Кивнул — и убежал. Кивнул, дрожа, едва не плача, и убежал. Глеб Сентябрь провожал его острым стальным взглядом.

В конце концов, у всех свои тайны.

* * *

Открываются двери: со щелчками, с протяжным стоном-скрипом, с мягким шорохом, бесшумно. Иные распахиваются, едва толкни, иные поддаются туго и захлопываются за спиной; некоторые уже приглашающе приоткрыты.

Открываются двери, а за ними — новые и новые коридоры. Стены крашены самыми разными цветами и оттенками. Стены клеены обоями с пляшущими человечками, с цветочными узорами, с разноцветными домиками, с рельефным рисунком, в котором — лица; стены, наконец, голы, серы, бетонны, холодны, измазаны граффити.

Открываются двери, а за ними — новые двери.

А некоторые не открываются.

Он остановился у какой-то нелепицы — её будто собирали смеха ради, натывав случайных элементов: фигурная ручка из тёмного полированного дерева, затёртая косая личинка замка, пришпиленные полосы металла, болтающийся номерок (616) — и всё это на дешёвой тонкой фплёнке из ДСП.

А ещё — коврик со схематичными голыми ступнями. А ещё она была заперта.

Он усмехнулся, шагнул назад и пнул в замок. Дрогнула, выгнулась — но не поддалась. Пнул сильнее; ничего. Ударил плечом — слабый треск, и только.

Покачал головой. Упала, лязгнув, сумка на шахматный кафельный пол, нырнула фомка в дверную щель, полетели щепки, блеснула в свете-из-ниоткуда древесная пыль. Сентябрь распахнул искореженную дверь — в новый коридор. Такой же. Отличающийся — но такой же.

Но инстинкт говорил ему, что направление выбрано верное.

* * *

Глеб Андреевич сидел у себя в подсобке, недвижимый, хмурый после очередной неудачи. Попытался взломать двери лифта из Изнанки; вспотел, устал как чёрт, болели жилы — оказался в кабине. Вне Изнанки.

В другой раз вошёл в лифт, отправил его на другой этаж и вышагнул обратно, пока не закрылись двери.

Снова, ругаясь, налегал на монтировку — и снова кабина лифта, светлая, пустая, чуть помаргивающая грязной лампочкой.

Попытался пронести внутрь канистру с бензином и в Изнанку вообще не попал.

Изнанка не сопротивлялась, не била в ответ — только ускользала раз за разом. Играла. Насмехалась!

Он ударил кулаком по подлокотнику, выбив из него клуб пыли. Она повисла в золотистых утренних лучах, высвечивающих стол, книги, мятый линолеум, массивное старое кресло и Глеба Андреевича, насупившегося, раздражённо трущего мочку уха, размышляющего.

За приоткрытыми дверями (приоткрытыми настолько, что сквозивший в щель свет распадался на маленькие чёрные полоски — интерференция в домашних условиях) шёл урок, сам собой, без него, как обычно. Дети увлечённо пилили, строгали, стучали киянками, засовывали карандаши в шестерни старого нерабочего станка, сидели в телефонах, смеялись, шумели — недостаточно, впрочем, громко, чтобы возникла нужда вылезать из подсобки, гаркать и вздымать к потолку тяжёлый кулак. Но рано или поздно такая нужда возникала.

Вдруг кто-то тихо ойкнул, и шум стих, запнулся на мгновение — он понял, что случилось, ещё до того, как дверь приоткрылась и на пороге появился Славка, держа руку на весу.

— Порезался? Дай сюда, — он схватил запястье, повернул к свету — ерундовая царапина, ничего страшного, — шагнул к крану, открыл воду (движения быстрые, размашистые), сказал: — Промывай.

— Ой! — дрогнул мальчик, когда зашипела на ладони перекись.

Сентябрь поднял взгляд — спокойный, сосредоточенный.

— Терпи.

Славка умолк.

— Отец убьёт... — пробормотал он, глядя, как ложится на ладонь бинт.

— Что? А! Сымай рубашку. — Славка испуганно мотнул головой. — Сымай, быстрее!

Налил холодной воды в ведро, сыпанул соды, бросил испачканный рукав. Славка дрожал — бледный, костлявый. Синели на спине синяки. Глеб нахмурился.

— Это кто тебя?

— А? Это... упал.

— Упал, — усмехнулся Сентябрь. — В Изнанке упал?

— Да... Нет, то есть...

Знал он таких. В школе его обижают, друзей у него нет, дома... «Отец убьёт». Вот и шатается по Изнанке.

Такие в Изнанке и пропадают.

Звонок.

— На, — Глеб нашёл в шкафу футболку поменьше и побелее, бросил Славке. — И не сутулься. Вечером за рубашкой зайди, не забудь.

— С-спасибо, — и выскочил за дверь.

Сентябрь покачал головой и снова опустил в кресло. Славка мог что-то знать... Какой-то ключевой ответ, знание, как уничтожить Изнанку.

* * *

Он провёл в Изнанке ещё несколько часов — по ощущениям, потому что время здесь не шло. У него гудели ноги и пощипывали ступни: завтра вздуются мозоли. Он сломал ещё несколько дверей, несколько раз останавливался отдохнуть, но снова вставал, он уже совершенно не осознавал своё положение в пространстве; и тогда нашёл наконец то, что искал.

Розетку.

Вытащил из кармана адаптер, вставил — загорелся синий светодиод. Другой карман оттягивал детектор проводки; Сентябрь обвёл им розетку и услышал писк. Оскалился. Сигнал вёл (сигнал куда-то вёл — уже удача) за металлическую дверь — он открыл её и оказался на лестнице.

Стены крашены характерной салатовой краской; такого цвета бывают куколки на весенней листве, в такие тычешь пальцем — и выползает из них чёрная волосатая гусеница. Бетонный пол отзывается эхом. Перила с широкими деревянными поручнями, застыли на краях подтёки краски. Трещины, кракелюры, царапины. Грязь. Надписи на стенах. Он поднял с пола бычок, растёр в пальцах — как настоящий.

Эта лестница выглядела старой, но Глеб был убеждён, что её не существовало, пока он не отворил дверь. Подделка, как и всё здесь. Он заглянул в проём меж пролётов — они уходили куда-то далеко, сотни и тысячи этажей под ним — и такие же коридоры, такие же двери. Такие же лифты. Наверху — то же самое.

Провода уходили вверх. Он усмехнулся и зашагал по лестнице, минуя пролёт за пролётом, ведомый писком прибора и страшным нечеловеческим упорством.

* * *

Глеб Сентябрь сидел, склонившись над тетрадями: после сегодняшнего случая он заставил всех конспектировать технику безопасности, больше для виду, чем для дела. За окном уже ночь; скоро тишина повиснет в тёмном здании школы и можно будет спокойно поработать.

Он чиркнул на поле пятёрку и отложил тетрадь в сторону; дверь скрипнула.

— Славка, ты? — он быстро глянул в зеркало, стоявшее на столе. Встал — резко, порывисто. — Сейчас, погоди.

Мальчик стоял и мял рубашку в руках.

— Глеб Андреич...

— А? Что, Славка?

Он молчал. Набирался смелости. Сентябрь ждал, терпеливо царапая его взглядом.

— Я... я ходил в Изнанку недавно.

— В Изнанку? — он сел на стул, указал Славке на кресло. — Ну, рассказывай.

Он замер, напуганный странным выражением, проступившим вдруг на лице трудовика. Страшным, сосредоточенным интересом блеснул его единственный глаз в полумраке подсобки. Глеб Андреевич не любил света.

— Я... она меня не пустила! — выдохнул он наконец.

Сентябрь поднял бровь.

— Не пустила? Как это?

— Не знаю! Я сделал всё как обычно, но никуда не попал. Может, она исчезла? Я... — Он всхлипнул.

— Спокойно! Дай подумать.

Глеб Андреевич по привычке тёр мочку уха. Он тоже несколько раз не мог попасть в Изнанку. Когда экспериментировал с деталями ритуала, когда кнопка была сожжена, когда попытался пронести с собой бензин... Нет, не только бензин. Зажигалку Изнанка тоже не пропустила.

— Курить ходил? — поднял он взгляд.

Мальчик вздрогнул; Глеб увидел, что попал в точку.

— Н-нет... Я не...

— В следующий раз попробуй без. Ну давай, иди.

Он закрыл за Славкой дверь и сел за конспекты. Огонь был ответом. Изнанка боится огня больше, чем молотка, или монтировки, или револьвера. Всё остальное она пропускает, но огонь...

Детским кривым почерком плясали буквы. Он проглядывал страницы по диагонали.

«Действия при пожаре

При пож. 1 делам...»

Как курица лапой. Честное слово, не позавидуешь коллегам, разбирающим эти каракули каждый день. Коллеги, впрочем, не шатаются по ночам в Изнанке. Хотя кто их знает...

«1 помощь при ожогах

Класификация ожогов:»

Ага, ага...

Он закрывал глаз и видел буквы, выжженные на изнанке века. Болела голова.

Видел яркую, будто неоновую строку. Он всё перелистывал страницы, подмахивал подписи, бросал тетради в стопку и всё видел эту строку. Строку, которая ответ.

«Меры безоп. при исп. электро приборов».

Зубы блестели в свете лампы. Ему не терпелось уйти.

* * *

Глеб Сентябрь толкнул дверь и вошёл в светлую комнату: вроде как вырванную из старой советской квартиры, но обделанную, убранную, замаскированную под директорскую или вроде того.

Было что-то жалкое в этой комнате.

В этих коврах, маскирующих линялые обои, в этих дорогих кожаных креслах, вязнущих в мятном линолеуме, в этих изогнутых широких мониторах рядом с периферией прошлого тысячелетия. Он поднял мышку и обнаружил колёсико с налипшими волосками; хмыкнул.

Головной офис Изнанки. Может и охраняться... Он сунул руку под мышку и вытащил из кобуры револьвер.

Увесистый, с коротким дулом, с барабаном на семь патронов; чёрный металл матово поблёскивал в свете

хрустальной лампы (тут была ещё хрустальная лампа, бросающая блики на стены, будто пытаюсь изобразить из себя диско-шар). Он был покрыт царапинами и потёртостями — проверенная, через многое прошедшая вещь. Он был смазан, прочищен и снаряжен. Сентябрь взвёл курок и зашагал к выходу из кабинета, держа дверной проём на прицеле. Детектор он убрал в сумку — он уже был без надобности.

Выбил дверь, ворвался внутрь — чисто. Прохладно. Жужжат длинные шкафы-сервера. Перемигиваются светодиоды. Лабиринт внутри лабиринта. Он пошёл вдоль левой стенки, держа наготове револьвер.

Толстые разноцветные провода, как змеи, как кровеносные сосуды, вели к трансформатору в углу зала. Он нетерпеливо распахнул дверцу щитка, и сердце Изнанки предстало его взору.

Его же сердце колотилось как отбойный молоток. Самое важное начинается здесь... Самое странное, самое непредсказуемое, самое опасное — начинается здесь. Он закрыл глаз, контролируя дыхание, и выровнял пульс. Открыл.

Протянул руку к тумблеру и — щёлкнул, почувствовав, как на всех этажах, во всех коридорах, во всех тысячах тысяч комнат гаснет свет. Мягко стихло жужжание — и вновь возобновилось. Запасная система... Впрочем, без разницы.

В наступившей тьме только из распахнутых дверей лифта (он вызвал его заранее и вставил распорку в проём, чтобы быстро уйти, когда дело будет сделано) лился помаргивающий свет.

Глеб Сентябрь вздохнул и сдвинул с глаза повязку.

Свет ожёг сетчатку, слёзы заволокли зрение, кровь пульсировала позади глаза. Тошнило с непривычки. Он редко пользовался этим глазом, травмированным, со зрачком, разбухшим во всю радужку — этот-то зрачок ему теперь и пригодился.

Глеб вгляделся в щиток — даже в такой тьме он различал надписи над тумблерами. Достал инструменты и пробил стенку трансформатора.

Не будет больше Славка Конюнин шастать по Изнанке. Опасное это дело. Тот, кто не понимает её, рискует потерять и жизнь и душу.

Он натянул плотные резиновые перчатки, пошарил и вытащил два толстых провода. Заработал нож. Посыпались на пол резиновые чешуйки изоляции.

Если и не выгорит... Он попробует по-другому. Он будет подступать к ней снова и снова, пока не сотрёт Изнанку с лица Города.

Потому что кроме него это никто не сделает.

Оголились толстые медные змейки. Глеб тщательно прикрутил из друг к дружке, чтобы крепко было, чтобы не распались. Бросил на пол подальше от себя — и обмотал ковром из соседней комнаты, и щедро полил водой из кулера. Готово.

Глеб Сентябрь сложил инструменты, закрыл повязкой глаз, изготовился и повернул переключатель.

Брызнули искры; моргнул свет, моментально погаснув; запахло гарью. Щёлкали тумблеры, выключаясь один за другим; нарастающий гул, как ворчание потревоженного зверя, доносился из трансформатора.

Он придерживал переключатель пальцем — отчаянно пульсировали светодиоды, шум крови бился в ушах, предохранители лопались один за другим, но главный... главный он держал в руках.

Вспыхнул какой-то сервер, плюясь искрами, исходя дымом; отвратительно воняло горящим пластиком. Моргали в темноте заклеенные изоляцией датчики дыма.

Ударило горячим паром в лицо; он закашлялся. Шипел ковёр. Сентябрь видел, как дьявольским красным светились провода, как вытекающий из домны металл, как остывающие угли в костре. Ещё один сервер взорвался.

Наконец ворох вспыхнул, как факел, как фейерверк; Сентябрь отдёргнул обожжённую руку, и предохранитель наконец сработал.

Но поздно.

Он пнул ковёр: брызги огня упали на стены, на пол, на сервера — и всё вспыхивало, всё сжималось, все шипело и искрилось, будто крашеный картон. Он увидел, как горит бетонная стена, как сжимается и идёт морщинами, будто пластиковый пакет; издавая характерный звук, похожий на тихий вопль. Вспыхнуло; в пятне света Глеб разглядел — это длилось мгновение, но он запомнил эту картину навсегда, во всех деталях, — глаза, языки, зубы, смотрящие на него из прожжённой в стене дыры.

Глеб Сентябрь дрогнул и припустил к лифту. Выбил из дверей монтировку-распорку, вжался в стену, бешено тыча в кнопку — а из чёрных провалов, из изнанки Изнанки смотрели страшные горящие глаза, истекали слюной языки, щёлкали кривые жёлтые зубы.

Кабина закрылась — и распахнулась уже в подъезде. В проходе стояла молодая усталая женщина с коляской — он придержал двери, выскользнул из лифта и выбежал на улицу, в ночную Дармину.

И только тогда выдохнул.

* * *

После урока к Сентябрю подошёл Славка. Трудовик сегодня пришёл с перевязанной рукой и весь урок сидел, таинственно улыбаясь самому себе, щедро раздавая пятёрки, барабаня пальцами по столу.

— Глеб Андреич... Я...

— В Изнанку пытался попасть? — усмехнулся Сентябрь. — И не получилось?

— Да!.. А откуда вы...

Он откинулся в кресле и прикрыл глаза.

— Я её уничтожил, Славка. Нет больше Изнанки.

Глеб Андреич был доволен, как разлёгшийся на солнце кот.

— Что... Вы?... Как вы... — маленькие его кулачки сжались, тонкие губы сжались, и весь он сжался, как пружина.

— И ты мне помог, — подмигнул — или просто моргнул — ему Глеб Андреич.

Славка смотрел на него блестящими глазами, тяжело дыша, сжав зубы так, что выступили на скулах мышцы, а потом шмыгнул и широкими шагами вышел из кабинета.

Кашляющий смех нёсся ему вслед.

ЧЕЛОВЕК В КОМНАТЕ

Утро Бори Карматова началось со стандартной мелодии будильника на телефоне. Молодой человек зевнул, потянулся и нашарил на столе телефон. Мелодия затихла и включилась заново. Боря снял мобильник с зарядки и наконец ткнул по экрану в заветном месте. Да, я проснулся. Надо бы позавтракать.

Он поставил чайник на газ и залил заранее оставленную на столе чашку с хлопьями и молоком. Пока вода кипит, надо бы развесить белье.

Борис ковырнулся в тазике с вещами, вытащенными из стиральной машины, и странная вещь завладела его взглядом. Один носок. Ярко-синий, с изображением солнышка на внутренней стороне. Солнышко улыбалось парню, словно бы в этой улыбке состоял смысл его существования. Может быть, так оно и было.

— Этот носок точно не мой. Но тогда чей?

Все остальные носки Бориса были чёрного цвета и различались разве что по толщине или фактуре, но два одинаковых носка редко обретались вместе, за невнимательностью их хозяина. Не разглядывая, он вынимал их из ящика и надевал перед выходом. Какая разница, ведь они все одинакового цвета, а приглядываться никто не будет.

И вот он, нелепый синий носок с солнышком, одинакового размера со всеми остальными. Кто его сюда положил?

— Ты дурак? Конечно, это твой носок, и ты его сюда положил.

Боря поднял голову и посмотрел в отражение в духовке. За его спиной повисла в воздухе жуткая фигура, обла-

чѐнная в грязную простыню и заросшая чѐрными густыми волосами. Два красных огонька горят на месте глаз, а зубастый рот изогнулся в жуткой гримасе.

— Больше ведь некому, верно?

Он ничего не ответил, только поднял палец, сложил пистолетиком и выстрелил в отражение. Стекло треснуло посередине, а наваждение, не меняясь в лице, издало звук сдувающегося шарика и медленно растворилось в воздухе. Степенно и наигранно. Так исчезает тот, кто собирается вернуться.

Чайник закипел, Боря встал и выключил газ. Он вдруг вспомнил, что сегодня выходной, но спать уже не хотелось. Он обернулся. За столом сидела каменная статуя, буднично положив руки на стол. Лицо, изображающее некоего древнегреческого философа, застыло в одухотворѐнном выражении. Пальцы нетерпеливо тарабанили по столу.

Боря закрыл глаза, глубоко вдохнул и досчитал до пяти. Открыл. Статуя чесала поросшую мхом шею. Ещё раз, теперь до десяти. На сей раз галлюцинация исчезла, вместе с трещиной на духовке и дурацким синим носком. Парень заварил чай и принялся завтракать.

* * *

Борис аккуратно высунул голову из подъезда и, убедившись в отсутствии опасности, выполз наружу. Привыкшие к полумраку глаза резанула боль. Боря направился в сторону выхода со двора и неожиданно заметил надпись на стене, которой тут вчера не было:

«Скорость, кристаллы, светлячок. Тел...»

Силой воли он заставил себя остановить взгляд. Ноги приросли к земле. Сердцебиение участилось, реальность начала размываться.

— Скорость, кристаллы... Нет-нет-нет.

Он закрыл глаза, повернулся на девяносто градусов и открыл снова. Теперь перед ним находилась детская площадка и свежая лужа, оставленная июньским утренним дождём. Борис увидел своё отражение в луже. За его плечом стоял давешний призрак и скалил кривые зубы.

— Ну чего же ты испугался, а? Ты трус. Ты трус. Ты боишься надписей на стенах и собственного воображения.

Он повернулся и побежал в сторону выхода. Нет-нет-нет. Хватит, прекратите.

Борис называл его Косматым. Это слово было первым, что пришло ему в голову, когда заросшая волосами фигура в грязной простыне впервые появилась перед ним. Призрака мог видеть и слышать только он. Вот только Боря многое бы отдал, чтобы НЕ видеть и НЕ слышать его. Косматый насмеялся над ним, шептал на ухо отвратительные вещи и если исчезал, то ненадолго. Он был самой настоящей головной болью.

Вторую галлюцинацию он называл Пирроном. Он был не столь докучлив, как Косматый, но легче от этого не становилось. Пиррон молча появлялся в тени подъездов, топтался на газонах, принимая вычурные позы, будто позировал неизвестно кому. Время от времени призрак осознавал, что его способен видеть только Карматов. От обиды он шёл трещинами и разваливался на маленькие камешки

Эти двое были самыми частыми гостями Бориса. Время от времени появлялись и другие образы, один безобразнее другого. Неоднократно чьё-то влажное дыхание будило парня посреди ночи, изнутри стен вылезали жуткие рожи, корчились и возвращались обратно, а дверь в подъезд перегораживала стена тухлого мяса.

Возле супермаркета Борис вдруг остановился, услышав какой-то вой позади себя. Он приближался. Осторожно и с опаской Боря обернулся.

Это была всего лишь дворняга. Она подбежала к Борису и ещё раз обляяла его. Карматов топнул ногой об асфальт.

— Пошла отсюда.

Собака пригнула голову и отошла назад. Он заметил, что на месте правого глаза у неё зияет грязно-красная впадина. Боря отвернулся и вошёл в супермаркет. В стеклянной двери мелькнули красные огоньки.

* * *

Две пачки макарон по акции легли в корзину вслед за чёрным чаем и коробкой сахара. Он прогуливался по супермаркету и раздумывал, хватит ли денег, чтобы купить немного курицы. До зарплаты оставалось две недели. Он шарил глазами по прилавкам, пытаясь вспомнить, что ещё ему надо купить. В разделе бытовой химии взял стиральный порошок. От запаха кружилась голова, и Карматов ускорил шаг.

Посреди магазина на паллете стояли аккуратно расставленные пирамидкой бутылки вина. Проходя мимо них, Боря на секунду представил, как он спотыкается и падает прямо на них. Его тело сшибает бутылки как кегли, они медленно падают вниз, одни сбивают другие, всё больше и больше. Звон, стекло разлетается по полу. По плитке растекаются багряные пятна, они похожи на кровь. Люди вокруг начинают кричать. Бутылки падают, звон становится невыносимым. Борис лежит в неестественной позе, его одежда пропитывается красным, из его горла торчит крупный осколок стекла. Люди кричат. Осколок темно-зеленого цвета, в нем отражается Косматый. Он ухмыляется особенно мерзко в этот раз.

Бориса качнуло, он схватился за грудь. В голове, как бешеное — раз-раз-раз — билось сердце. Он сделал резкий шаг в сторону от опасного прилавка и положил корзину на

пол. Глубоко вдохнул и выдохнул. Нужно отойти еще дальше, нужно убежать. Вдохнул и выдохнул. Нет никаких причин для паники. Вдох-выдох. Никаких причин.

Когда он обернулся, люди вокруг уже начали собираться. Торговка из отдела кулинарии с любопытством поглядывала на него. Карматов поднял корзину и спешно зашагал в сторону касс.

* * *

Мы называли его «Светлячком».

Штырь вытряхнул на руку маленький пакетик с белым порошком внутри. У грязного парнишки, сидевшего напротив меня, загорелись глаза. Он непроизвольно протянул руку к пакету и зашипел, когда Штырь ударил по ней.

— Не жадничай, Гнида. На всех хватит.

Слева сидел молчаливый молодой человек в солнцезащитных очках. Он достал пластмассовые стаканчики и принялся разливать по ним спирт.

— Подожди.

Штырь показал на меня пальцем.

— Ему воду.

Молчун полез в рюкзак. Штырь в это время высыпал порошок в большой стакан и тщательно его размешивал.

Молчун достал бутылку, наполнил мой стакан водой и поставил передо мной. Штырь распаковал шприц и набрал в него наркотик.

Я глянул на Гниду. У него текли слюни, он как заворожённый смотрел на действия Штыря. Тот тем временем опустил иглу в свой стакан и выдавил ровно четверть содержимого. Он был будто алхимик. Жидкость повисла в стакане облачком и растворилась, когда Штырь перемешал её иглой.

Гнида дрожал от нетерпения, когда то же самое проделывали с его стаканом. Едва Штырь вынул иглу, тот схватился за стакан и опрокинул залпом.

Штырь моментально врезал ему локтем в нос, отчего юродивый опрокинулся и завизжал.

— Сколько раз говорил — не пить, пока не разрешу!

Я с опаской посмотрел на потолок.

— Час ночи, вашу мать.

Соседка сверху, вековая старуха с отвратительным характером, очень не обрадуется, если её посреди ночи разбудят крики и возня этажом ниже. Я бы тоже не обрадовался.

Гнида внезапно утих, раскинул руки и принялся пускать слюни. На его лице застыло блаженное выражение.

Штырь протянул мне стакан.

— Не бойсь, — кивнул он на Гниду, — он и так дурак, а от Светлячка ему башку сносит. С тобой такого не будет.

Я аккуратно взял стаканчик и нерешительно поболтал его, размешивая жидкость. Наркотик растворялся в воде хуже, чем в спирте.

«А стоит ли? Может, просто вылить и уйти?»

Я покачал головой, поднёс стаканчик к губам, закрыл глаза и одним залпом вылил содержимое себе в желудок.

* * *

Борис закрыл окно браузера, снял наушники и откинулся на стуле. За окном сгущались сумерки, в тёмной комнате свет монитора резал глаза. Он снял с ноги тапок и повернулся на стуле. Медленно поднял руку, чуть согнул в локте и резким движением выпрямил. Тапок улетел куда-то под диван. Второй врезался в стену чуть выше и сильно правее выключателя. Боря вздохнул и встал со стула. В глазах потемнело.

В углу комнаты стоял небольшой синтезатор и тетрадка. Боря включил его, вставил наушники с ноутбука, вознёс руки над клавишами. Первые же ноты заглушили непрерывный шум в голове. Борис играл каждый день не менее часа, будучи уставшим, больным или измотанным галлюцинациями. Только каждодневные тренировки приводят к результату. Он повторял эту истину раз за разом, держался за неё даже тогда, когда сомневался в правильности всех остальных. Музыка лилась, пальцы бегали по клавишам, дыхание Косматого за спиной приглушалось. Поначалу ему сильно мешали два парализованных пальца на правой руке, но усердными тренировками Боря смог компенсировать их рабочими. Теперь ничего не мешало музыке звучать.

Он все бил и бил по клавишам, пока часы не показали без двух девять. Карматов прекратил играть и поставил безымянный палец на кнопку выключения. Секундная стрелка — тик-так — медленно приближалась к цифре «двенадцать». Она пересекла цифру «одиннадцать», когда за спиной Бори раздался ужасный крик. Он обернулся и увидел сидящего на полу человека, он держался за голову и кричал, будто ему водили напильником по зубам. Карматов обернулся, быстро нажал на кнопку и только потом посмотрел на часы. Было ровно восемь пятьдесят.

Сегодня он занимался полтора часа. Борис закрыл тетрадку, разогрел вчерашние макароны на ужин и лёг спать. Поворочался около получаса и наконец забылся сном.

* * *

Трель будильника означила новый день, Боря открыл глаза, встал с дивана и принялся за утренний ритуал. Почистил зубы, наскоро позавтракал, надел свежие носки, вышел на улицу.

В столь ранний час двор был пуст. Карматов подошёл к давешней надписи, озираясь по сторонам, достал из сумки баллончик и тщательно закрасил стену. Бросил краску обратно и зашагал к выходу со двора. После повернул налево и шёл до тех пор, пока не оказался на остановке.

* * *

Липкой медузой наркотик проскользнул в пищевод. В горле оставалось неприятное ощущение. Я встал, чтобы набрать воды из крана, но тут перед глазами что-то вспыхнуло, заставив меня грохнуться обратно на стул. Даже с закрытыми глазами я видел эти искры, это напоминало салют, только салют в моей собственной голове. Меня начало мутить, я опустил на стол. Вспышки постепенно сошли на нет, но голова мутнела всё сильнее и сильнее. Я резко встал и нетвёрдым шагом пошёл в сторону туалета. Штырь и Молчун наблюдали за мной. Гнида что-то несвязно бормотал себе под нос.

Рука нашарила выключатель, электрический свет ударил в глаза. С трудом дошёл до раковины, чуть не упал на неё и выдал тугую струю рвоты. Умывальник быстро заполнился. Я смотрел, как куски недавно съеденного яблока плавают в жёлтой жиже, и меня вырвало ещё раз.

Когда тошнота прошла, я открыл кран. Умылся, сплюнул кислый привкус во рту. Посмотрел в зеркало.

Выглядел я отвратительно, но не это привлекло моё внимание. За моей спиной стоял призрак в грязных лохмотьях и ухмылялся треугольными зубами. Я обернулся, но за спиной никого не оказалось. Только в дверях стоял Штырь и покачивал головой.

— Столько денег потрачено, а ты все выbleвал.

Опёршись на стену, я съехал вниз.

— Да пошёл ты.

Он пожал плечами, залпом выпил свою дозу и вышел из туалета. Я остался сидеть и смотреть в одну точку.

* * *

Борис закончил заправку принтера и откинулся на кресле. День шёл как обычно. Часы показывали полпервого, значит, скоро можно будет пойти на обед, а остаток дня пройдёт веселее.

Он отмыл чернила от рук в туалете и отнёс принтер в соседний кабинет. Там же взял пакетик чая, налил кипятка, вернулся, сел поудобнее и принялся читать форумы.

— Боооря! — раздался крик из коридора. — Подойди!

Он вздохнул, отложил чай в сторону и встал из-за стола.

Бухгалтерша сидела напротив монитора и испытующе смотрела на него. Карматов посмотрел на окно ошибки и полез под стол. Обнаружил интернет-кабель вырванным из гнезда, тихо выругался и воткнул обратно. Перезагрузил компьютер. Зловеще навис над монитором.

Ошибка никуда не исчезла. Боря принялся внимательно перечитывать код ошибки, когда вдруг понял, что не может разобрать ни буквы. Перед глазами переливалось маленькое мутное пятно, оно перемещалось ровно туда, куда смотрел Карматов.

Он вдруг ощутил слабость. Закрыв глаза по очереди, убедился, что пятно никуда не делось.

— Сейчас приду.

Нетвёрдым шагом покинул кабинет. Взял свой рюкзак и сказал соседу:

— Если спросят, скажи, что мне стало плохо и я пошёл домой.

— А на самом деле?

Боря посмотрел на него.

— На самом деле мне станет плохо, но где-то через час.

— Откуда ты знаешь?

Карматов уже шёл по коридору. Он не мог терять ни минуты времени.

Автобус ехал чёртову вечность. В какой-то момент Борис упёрся взглядом в рекламное объявление. Пятно уже исчезло.

Он отошёл подальше и начал ловить попутку. Машины одна за другой проезжали мимо него, пока в конце концов серый Опель не остановился перед ним. Стекло опустилось.

— Напротив Смарта, — выпалил Боря.

— Триста.

Он кивнул и сел в машину. Около правого виска уже появилась знакомая ноющая боль. Она будет становиться всё сильнее и сильнее. Нужно добраться до дома, пока он ещё может держаться на ногах.

Боря положил голову на стекло и старался не шевелиться. Водитель бросил взгляд на него.

— Устал, что ли?

— Да.

Он смотрел вперёд и старался реже моргать. Завтра на работе могут быть проблемы. Но сейчас было плевать. Сейчас нужно добраться до дома.

— Приехали.

Водитель заехал на парковку возле супермаркета. Боря деревянными руками отсчитал триста тенге и ссыпал водителю в ладонь.

— Спасибо.

Когда он выходил из машины, из кармана выпало несколько монет. Голова будто надулась изнутри, когда Боря наклонился, но он всё же поднял их. За спиной раздались одиночные хлопки.

Это был Пиррон. Его каменные ладони били друг о друга с таким звуком, будто бы они из плоти и крови. Было это настолько неправильно, что Карматова начало тошнить. Он отвернулся и пошёл в сторону своего дома.

Он в первый раз обрадовался, что живёт на первом этаже. Подняться по лестнице стало бы неподъемным испытанием для него. Или нет?

Боря облокотился на перила и принялся подниматься. Добрался до второго этажа и выдохнул. Всё-таки смог.

Спускаться оказалось сложнее. Каждый шаг вниз был небольшим падением, каждое приземление было ударом по мозгу.

Боря нашарил в кармане ключи, открыл дверь и вошёл в квартиру. В тумбочке была пачка анальгина, он проглотил две таблетки и запил водой из-под крана. Наскоро разделся, упал на диван и накрылся одеялом с головой.

Его мозг плавился. Боря пытался менять положение головы, и это давало несколько секунд облегчения, но потом мигрень продолжала пытаться его. Он постоянно вертелся, растирал виски и давил на точки чуть выше глаз, но боль всё ещё была невыносимой. В голове плавали обрывки мыслей. Косматый что-то шептал на ухо.

Он встал и нетвёрдым шагом прошёл в туалет. Опёрся руками на раковину и попытался вызвать рвоту, но кроме слюны и желчи ничего не вышло. Он с утра ничего не ел. Не в силах терпеть боль, он дошёл до кухни, трясущимися руками разорвал упаковку анальгина и проглотил ещё четыре таблетки.

Боря дошёл обратно до дивана, лёг и продолжил страдать.

* * *

Несмотря на первый неудачный опыт, я вскоре решил попробовать ещё раз. Штырь был рад меня видеть. Снова полумрак знакомой квартиры, снова тот же ритуал, повторившийся в деталях. Снова поднятый стакан, снова наркотик заползает в горло. Вот только на этот раз эффект был другой. Тогда-то я понял, что такое на самом деле «Светлячок».

Тем утром я проснулся первым. Оглядел квартиру с валяющимися тут и там телами, беспорядком и следами вчерашней эйфории. Это был девятый или, может быть, десятый приём, и утренняя головная боль была уже привычна.

На кухне за столом спал Молчун, склонив голову на могучие руки. Я выпил воды из-под крана, поставил чайник. Умылся и посмотрел на себя в зеркале.

Я выглядел уставшим. Под глазами нависли мешки, зрачки ещё не вернулись в норму. Вдруг за моей спиной появилась красноглазая тень. Она ухмыльнулась и растворилась в воздухе.

Я снова плеснул себе водой в лицо. Действие наркотика давно должно было пройти. Сколько я не вглядывался в зеркало, галлюцинация больше не появлялась, но неприятный осадок остался.

Чайник закипел. В зале послышались какие-то странные звуки. Я заварил чай и вышел из кухни.

Источником звуков был тот, кого называли Гнидой. Его имя я до сих пор не знал. Юродивый сидел на полу и издавал невнятное мычание. Выглядел он много менее адекватным, чем обычно. Я сел на корточки и постучал по полу, чтобы привлечь его внимание. Наркоман поднял голову, и мне предстало его лицо.

Глаза Гниды были тусклыми, цвета бензина, в них ничего не отражалось. Из рта текли слюни. Едва ли он меня узнавал.

Я разбудил Штыря. Тот цыкнул языком, толкнул Молчуна на кухню, и они вместе увели бедолагу. Он не сопротивлялся.

Ещё час я сидел на кухне, осмысливая происходящее. Потом мне позвонили с работы, и я уехал.

На улице уже стемнело, когда Боря очнулся. Боль опять сузилась до небольшой точки в виске, и можно было существовать.

Макарены испортились. Карматов аккуратно переложил их из кастрюли в мусорный пакет. На балконе уже собралось достаточно мусора, поэтому Борис решил немного прогуляться.

Он выходил из подъезда, направляясь в сторону мусорки, когда за его спиной вдруг послышались слабые стоны. Борис немного помедлил, прежде чем обернуться.

Немного поодаль на газоне лежал мужчина лет тридцати, в грязной поношенной одежде. Он размахивал правой рукой, пытаясь привлечь внимание Бориса.

Карматов долго стоял и смотрел на него. Потом всё же решился и опасливо подошёл к бедолаге.

От него не пахло алкоголем. Был другой запах, тяжёлый, металлический. Его штанина была порвана в районе бедра, и сквозь его пальцы просачивалась ярко-красная, блестящая в свете фонарей кровь.

Борис сел на корточки и медленно вытянул руку. Если бы его пальцы прошли сквозь тело незнакомца, и тот с inferнальным смехом растаял бы в воздухе, Борис смог бы выдохнуть с облегчением. Но этого не произошло. Тёплая, реальная плоть продавилась под его рукой. Он сразу же её отдёрнул.

«Там, в рюкзаке», — еле слышно выдохнул раненый. Борис увидел лежащий поодаль туристический рюкзак и стал спешно потрошить его. Посуда, одежда, моток верёвки, жестяные банки полетели на землю. Ему наконец удалось найти аптечку, когда мужчина потерял сознание. Носовой платок, который он прижимал к ране, отвалился, и кровь забила с новой силой. В аптечке нашлась книжка с инструкцией, рваная и в бурых пятнах. У него не было вре-

мени её читать. Карматов наспех перевязал рану бинтом, наложил жгут, вспомнил, что рану стоило промыть, вспомнил, что нужно вызвать скорую.

Он вытер кровь о штаны, вызвал скорую, сел на бордюр и стал изучать инструкцию. Количество травм и ситуаций, которые она вмещала в себя, впечатляло. Он нашёл раздел с ножевыми ранениями и внимательно прочитал всё, что касалось ранений бедра. Травма опасная. Если незнакомец умрёт, у Бориса будет масса проблем.

Скорая всё ехала. Когда бинт пропитался кровью, Карматов снял его, промыл рану как мог и наложил новую давящую повязку уже по инструкции. Минуты текли. Он решил снять жгут на несколько минут, когда слышался вой сирены, во двор въехала скорая и вслед за ней полиция.

А дальше была суета, показания, отдел полиции. Когда Борю наконец отпустили, была уже глубокая ночь. Он добрёл до кровати и быстро уснул.

* * *

«Когда ты вступаешь в бой с кулаками против ножа, ты должен понимать, что твои шансы выжить в лучшем случае равны одному из трёх. Далее они стремятся к нулю в зависимости от вашей разницы в навыках», — так ему когда-то сказал Андрэй. Филат не вступал в бой с кулаками против ножа. Он вообще не знал о наличии у его противника ножа и желании им воспользоваться.

Он сидел на скамейке возле злополучного или спасительного подъезда и подбрасывал монетку. На этот раз выпала нужная сторона.

«Когда-нибудь монетка всё-таки упадёт не той стороной, — думал он. — Решка, ещё раз решка. Орёл. А я все продолжаю лезть туда, куда не следует. Решка».

В человеке, который понуро брёл в сторону подъезда, он признал того странного паренька, что давеча спас ему жизнь.

* * *

«Эй, друг!» — окликнул Боря незнакомец. Он обернулся. Внешность у того была запоминающаяся, но Карматов все ещё не был уверен, что он не галлюцинация.

«Это я! Ты мне ногу перевязывал недавно! Не помнишь?» — он встал со скамейки и, хромя на правую ногу, подошёл к нему.

Боря помнил. Тогда он проспал работу и получил нагоняй. Ему все ещё не хотелось с кем-то разговаривать.

Филат вдруг прищурился.

— Ты наркоман, верно?

Карматов застыл на полсекунды, но продолжил искать ключи в кармане.

— Ты стараешься не смотреть на эту надпись.

Реклама, которую Боря недавно закрашивал, вернулась на своё место. Он уронил ключи.

— Тот, кто её написал, насолил нам обоим, если тебе интересно, — он опирался на левую ногу.

Карматов поднял ключи.

— Ладно. Ты прав. Так что тебе нужно?

— Ты помог мне, а я хочу помочь тебе. У меня такой принцип.

Боря опёрся на стену, заслонив спиной надпись, и засунул руки в карманы.

— И чем ты можешь мне помочь? Ты вылечишь меня? Ты найдёшь мне работу? Кто ты вообще такой?

Филат развел руками.

— Просто бродяга. И у меня полно полезных знакомств, знаешь ли.

Они стояли и смотрели друг на друга, а Боря думал, что бродяга удивительным образом располагает к себе. Он

знал человека, который обладал такой же харизмой. Человека, из-за которого все началось.

— Хорошо. Хорошо, — Боря сдался. Если подумать, он ничего не теряет.

— Филат, — Бродяга протянул ему руку.

— Борис.

У Филата было крепкое рукопожатие. Он не был наваждением.

— Я смогу помочь, если узнаю твою историю.

Боря огляделся. Не хотелось пускать незнакомого человека домой, но место не располагало к разговору. Ни одно лишнее ухо не должно услышать историю Бори Карматова.

— Я не люблю открытых пространств. Пойдём внутрь.

* * *

Для меня не было удивлением, когда из университета позвонили и сообщили о моём отчислении. Когда ты по несколько раз в неделю отправляешься в мир грёз, а все остальное время подрабатываешь в ближайшей столовой, чтобы оплатить новую порцию порошка, на учёбу совсем не остаётся времени. Для версии меня образца полугодовой давности это была бы трагедия, но тогда... Галлюцинации все чаще посещали меня, и я уже почти не мог ими управлять. Бонусом к ним шла головная боль и проблемы с координацией. Я спрашивал Штыря, он сказал, что в первый раз слышит о таком. Дальше разговор не заладился, потому что мы опрокинули новую порцию зелья.

Мне стало наплевать и на побочные эффекты, и вообще на всё, когда меня выгнали с работы. Без источника денег доступ к «Светлячку» также был для меня закрыт, и тогда я познал все прелести ломки.

В тот вечер я сидел на съёмной квартире, коротая дни за просмотром потолка. Моя нервная система переживала не лучшие времена. Иногда я незаметно для себя засыпал,

просыпаясь всё в той же позе. Этот день был таким же, каким и все остальные, за небольшим исключением. Сегодня хозяйка решила навестить меня, и тогда она увидела, во что я превратил квартиру и во что превратился сам. Громкие звуки привлекли моё внимание. Она схватила метлу и ударила меня, тогда я встал и вышел из квартиры, потому что мне было некомфортно в ней находиться.

На улице было прохладно и темно. Я захотел есть. В карманах нашлось немного мелочи, я зашёл в супермаркет и купил сэндвич с курицей — всё, на что хватило денег. Я всё повторял, что нужно подогреть его в магазинной микроволновке.

Я шёл вниз по улице и давился холодным сэндвичем, а прохожие задерживали взгляд на мне чуть дольше, чем позволял этикет. Поднятый капюшон не помог.

Когда я оказался возле роци Баума, было уже совсем темно, я замёрз. Хотелось пить. Тогда я зашёл в магазин, сунул пол-литровую бутылку воды в рукав и выскочил в двери. Перебежал дорогу, едва не попав под машину, пересёк частный район и потерялся в роце.

Погони толком и не было. Я сел на землю, опёрся спиной о ствол дерева, достал свой трофей и принялся жадно пить. Вода оказалась с лимоном. Я вылил в себя всю бутылку, немного утолив жажду. Рука упала на землю, я выдохнул и вдруг осознал, что нахожусь ночью посреди леса и вокруг ни души.

Звуки, приемлемые для леса, смешались со слуховыми галлюцинациями. Я испытывал панический страх, хотелось кричать, но в то же время не издавать ни звука, чтобы не привлечь внимание. Неважно чьё, я не хотел об этом думать. В ночных шорохах слышались чьи-то шаги. Вдалеке квакали лягушки. Меж деревьев мелькали смутные тени.

Я сидел, весь сжавшись и дрожа от страха, когда за моей спиной вдруг кто-то засмеялся. Я сразу вскочил и побежал, не глядя назад, не глядя в стороны. Врезался лбом об дерево. Упал. Дьявольский хохот всё продолжался, а я не

мог больше терпеть. В панике я начал вытаскивать шнурки из ботинок. Залез на высокую корягу, закинул шнурки на ветку, наскоро завязал узел, накинул на шею и прыгнул.

Прошло, может быть, секунд пять, пока я болтался. Шнурок давил на лимфоузлы, было очень больно. Даже лес замолчал, наблюдая за происходящим. А потом узел развязался, и я упал.

* * *

Чай давно остыл. Филат сидел за столом напротив Карматова и задумчиво теребил цепочку на шее. Боря в очередной раз прервал рассказ, чтобы выпить воды из-под крана. Филат поднял голову.

— Что было потом?

— Потом я вернулся в квартиру, собрал вещи и утром сел на поезд. Через восемь часов я был здесь. Вот и все.

— Это было?

— Это было полгода назад, — Боря поставил стакан на стол. — Вот и живу потихоньку.

— Живёшь, — подтвердил бродяга. Он показал на синтезатор. — Играешь?

Пальцы Бориса рефлекторно дёрнулись.

— У меня есть знакомый в Алматы. У него есть ресторан с живой музыкой и должок передо мной, — продолжал Филат. Он достал из кармана маленькую записную книжку, выдрал оттуда листок и записал номер. — Это психотерапевт. Я помог ему, ты помог мне.

— Как удобно, когда тебе все должны, — пробормотал Карматов. К листку он не притронулся. — Я не могу вернуться. Никак.

— Почему?

— Потому что. Там все напоминает о... — он запнулся.

— О Светлячке, — закончил бродяга. Боря недовольно посмотрел на него.

— Да. О наркотике. Я не смогу там жить, — Он начинал злиться. — Я или сторчусь, или...

— Если ты хочешь что-то изменить, тебе придётся бороться, — прервал его Филат. — Тебе будет сложно, невероятно сложно, я знаю. А ещё я знаю людей, чья ноша многократно тяжелее твоей, но они приняли бой, они двигаются, они сражаются, они...

— Проигрывают. Умирают. Сгорают.

Филат встал из-за стола.

— Да, проигрывают. Но иногда побеждают.

Карматов налил ещё воды. У него начинался приступ злости.

— Час-то поздний.

На пороге Филат обернулся.

— Решишь позвонить — скажи, что ты от Бродяги, — и вышел.

Борис стоял со стаканом в руке, часы показывали двенадцать.

— От кого? — он положил стакан, снял тапок и бросил в выключатель. Раздался щелчок, и Боря оказался в темноте.

* * *

Несколько дней спустя Карматов возвращался домой с работы, с опаской поглядывая на сгущающиеся тучи, когда раздался раскат грома, и небо разродилось ливнем. Боря добрался домой, будучи промокшим до нитки, скользя смазанным взглядом по лужам, даже не пытаясь их обойти. Вошёл в квартиру, положил телефон и кошелёк на тумбочку в прихожей. Оставляя мокрые следы, прошёл в туалет, разделся, лёг в ванную и открыл кран.

Вода начала наполнять ванную, обволакивать Бориса, смывать сегодняшний день, смывать странного незнакомца, смывать всю эту бешеную неделю. Журчание воды убавило Борю, он почувствовал, что засыпает.

Он не понял, в какой момент оказался в темноте. Не видно было ни зги, Боря не был уверен, что в этой темноте был он, но темнота определённо была. Ещё были бледные мертвые руки, они душили Карматова, тянули куда-то. Он попытался вдохнуть, но руки не дали ему это сделать. Иссохшиеся пальцы залезли в глотку Бориса и поползли дальше по пищеводу.

Боря вынырнул из воды и вдохнул воздух. В квартире не было света. Вода все ещё текла. Он ожидал наступить в лужу на полу, но ванна была наполнена едва ли наполовину. Прошло совсем немного времени.

Когда Карматов выключил кран, стало слышно, как кто-то играет на пианино. Играет отвратительно.

— Как же вы все... — Боря встал и прошёл в соседнюю комнату, откуда шёл звук.

Пиррон сидел на табуретке перед выключенным синтезатором и исполнял мелодию, которую последнюю неделю разучивал Карматов. Его мраморные пальцы проходили сквозь клавиши.

Боря выбил табуретку из-под Пиррона, и он куда-то упал сквозь пол. Созерцал ковер несколько секунд, пока пиццание счётчика не отвлекло его. Он включил электричество, поставил стул на место, сел и включил инструмент. Глубоко вдохнул, поднял руки, восстановил в памяти ноты, закрыл глаза. Наконец ударил по клавишам.

Звука не последовало. Недоуменно он посмотрел на синтезатор, на руки, нажал ещё раз. Проверил розетку и кнопку включения. Инструмент молчал. Паника подступала к горлу.

До поздней ночи он ковырялся с ним, искал в интернете решение проблемы, бил по клавишам раз за разом, пока наконец страшная догадка окончательно не подтвердилась. Синтезатор сдох.

От бессилия он ударил по столу кулаком и закричал. Он кричал, наплевав на всё, кричал, вымещая всю горечь, злость и обиду на мир. Когда воздух в лёгких закончился, он уронил голову на стол и моментально уснул.

* * *

Три часа ночи, мир ещё спит, но в голове царит кристальная ясность. План был прост, очевиден и скор в исполнении. «Когда я принял наркотик, я уже принял этот бой», — повторял он про себя, бросая вещи в сумку. «В тот момент я уже совершил выбор», — продукты не поместились, к чёрту их. «Все это время я только оттягивал момент возвращения», — машина остановилась перед Карматовым: «До вокзала», — сказал он. «Не может быть для меня такой жизни», — билет в плацкартный вагон, два часа до отъезда.

«Я ведь уже обречён», — так он думал, коротая время в зале ожидания. На скамейке напротив сидел Пиррон и разглядывал свои ступни. Борис закрыл глаза на секунду, а когда открыл, призрака уже не было.

* * *

Электронный голос известил о прибытии поезда, разбудив Карматова. Он вышел из здания вокзала, увидел толпу и приближающийся поезд. Светало. Проводник быстро осмотрел билет и пропустил его. Верхняя полка, параллельно вагону, номер оторван. Борис закинул рюкзак наверх, залез на своё место и отворил штору. Раздался свист. Поезд дёрнулся, и пейзаж за окном пришёл в движение.

ВЕЧНОСТЬ — ЭТО БЛАГО

— Аккуратнее! Не кирпичи грузишь!

— Тсс! — он подносит палец к губам.

Лодка заметно проседает, когда металлический увесистый ящик, такой тяжёлый, что двое взрослых мужчин поднимают его с трудом, с глухим стуком опускается на её дно. Матье залезает в лодку вслед за мной и садится прямо на ящик. Чип на его левом виске поблёскивает в свете луны.

— Поплыли.

— Фауст, — он разглядывает весло, — ты умеешь ей управлять?

— Конечно нет, — фыркнул я. — Я всего лишь рифмоплет. Ничего, как-нибудь разберёмся.

— Сочини что-нибудь, подходящее ситуации.

— Настроения нет. Совсем-совсем нет.

Мой напарник гребёт. Я складываю руки на груди и молча наблюдаю за его потугами развернуть лодку и заставить её плыть в одном направлении. Если из моей памяти не вырезаны важные куски, я работаю с ним уже не первый месяц, но до сих пор не могу понять, что он за человек. Впрочем, лазить к другим в головы — не моя специальность. Моя специальность — чёртовы стихи.

«Матье гребёт, чтоб под луной
Дать Вечным вечный их покой».

Никакого намека на эмоции. Он наконец сумел разобрататься с лодкой, и мы бодро поплыли в сторону острова. Туман не даст дозорным разглядеть лодку, хорошо.

— Ты же говорил, что настроения нет.

— Его и нет. Вот только против своей сущности не попрёшь. Никак, — я сплюнул в воду.

Мы преодолели половину реки. Где-то там, за туманом, пока невидимые, стояли фигурки дозорных.

— Как им не надоедает тут стоять день за днем. Собачья жизнь. А ведь могли бы заменить их роботами.

— Роботов не научишь мыслить тактически. Только человеческий мозг на это способен.

— Ага. И все эмоции у них, наверное, тоже вырезали. Немногим они от роботов-то и отличаются.

— Эмоции подрезали почти у всех, кроме творцов, вроде тебя. Поэт без них не обойдётся, а вот радистам и прочим они ни к чему.

Я это знал не хуже него, но перебивать его бесполезно. Радист с железками в голове, что с него взять.

С момента, когда лодка причалила, и до тех пор, пока мы не оказались в отмеченном месте, мы не произносили ни слова. В тени возле искомой стены мы наконец поставили ящик.

— Сколько времени уйдет на настройку? — выдохнул я.

— От десяти до тридцати минут, — откликнулся Матье.

Всё шло согласно плану.

* * *

Матье достал из нашего драгоценного ящика передатчик и принялся его настраивать. В это же время я вынул пистолет и встал на страже. Не думаю, что в меткости и боевом опыте я хоть немного приближаюсь к Вечным-военным, но эффект неожиданности должен помочь. Я в это верю.

Матье увлечённо, не замечая ничего вокруг, бегал пальцами по кнопкам передатчика. Устройство издавало негромкий писк и ещё какие-то странные звуки. Я каждый раз вздрагивал, когда тишину пронзали низкочас-

тотные команды передатчика, или когда шаги дозорного подходили опасно близко к нашему местоположению. А отсвет звезд, полная луна и шелест реки внизу, из-за которых в голову так и лезли дурацкие стихи, только отвлекали от дела.

— Готово, — наконец подал голос Матье. Негромко, но я чуть не вскрикнул от неожиданности. — Подай сигнал.

Я опустился на одно колено перед транслятором, положил пистолет на траву, снял наушник с гнезда и засунул себе в ушной порт. Поднёс лицо к микрофону и нажал на кнопку передачи.

— Альбер, прием, — прошептал я. — Мы готовы, как слышно?

Тишина. Несколько секунд спустя я снова потянулся к кнопке передачи, но вдруг услышал помехи.

— Фауст, прием, — голос Альбера, искаженный, но узнаваемый.

— Видишь координаты? — а вот мой голос сильно исказился. Серьёзность момента тяжкой ношей упала на плечи.

— Вижу, — он тоже взволнован, но меньше, чем я. — Всё готово к запуску.

— Хорошо. Удачи тебе, Альбер, — и прежде чем последнее, самое главное слово сорвалось с моих губ, превратилось в электромагнитную волну, пролетело две тысячи девятьсот шестьдесят три километра и повлекло за собой событие, к которому мы готовились последние полгода, я услышал характерный щелчок за своей спиной.

— Убери руки от передатчика.

— Матье, какого черта?

Он схватил меня за шиворот и повалил на землю подалее от устройства. Прежде чем провод наушника порвался, я услышал ответ Альбера. «Удачи», — вот что он сказал.

А в лицо мне смотрело отверстие глушителя, а поверх него — Матье, такой же невозмутимый, как и всегда.

— Я повторяю, Матье, какого черта!

Долгие две секунды мне казалось, что он меня пристрелит, и весь наш план окончательно рухнет, но он всё же заговорил.

— Ты действительно хотел это сделать. Ты хотел нас всех убить.

— А ты нет? После того, что они с нами сделали... Ты не хотел? Всё это время ты...

— Фауст, — перебил он меня. — ты психопат. Я только хотел в этом убедиться окончательно. Мне не верилось, и никому из нас не верилось, что Вечный может быть психопатом.

Я смотрел на него, открыв рот.

— Не я один. Альбер, Грегор, Риэ — они тоже психопаты? Так ты считаешь? — я почти кричал.

— В следующий раз, когда ты повысишь голос, я тебя пристрелю.

— Здесь кто-то есть! — наше уединение нарушил дозорный, неожиданно вышедший из-за угла.

Наверное, услышал голоса и звуки борьбы. Так или иначе, один точный выстрел Матье пробил его сердце, а второй — голову. Два хлопка — и он опрокинулся на спину, потерял жизнеспособность. Не насовсем, конечно, ибо есть только один способ лишить Вечного жизни, способ этот находился менее чем в двух метрах от меня.

Пока Матье отвлекся на военного, я рванулся к транслятору, нажал на кнопку и прокричал в микрофон:

— Запускай, Альбер! Запускай ракеты!

Раздался вой сирен. В двух тысячах девятьсот шестьдесят трёх километрах отсюда Альбер, надежный Альбер нажал на кнопку, и ядерные ракеты с оглушительным грохотом взмыли в воздух.

А потом старина Матье вынес мне мозги.

Да, меня воскрешали и раньше, не один десяток раз, но никогда очередное воскрешение не было таким досадным. И таким странным. Я попытался сжать кулаки, но их не было. Попытался наклонить голову, чтобы рассмотреть своё новое тело, но у меня не вышло. Попытался закрыть глаза — ну, хоть это у меня получилось.

Я находился в хорошо знакомой лаборатории. Повсюду были мониторы, датчики, отполированные до блеска полы, механизмы, поддерживающие кристальную чистоту. Вот только перед собой я видел край стола, буквально в сорока или пятидесяти сантиметрах от уровня глаз, а закатив глаза до упора вниз, увидел провод, ведущий к моей голове, и какие-то трубки.

Из динамиков где-то слева от меня раздался озвученный электронным голосом крик. Я вдруг понял, что они со мной сделали на этот раз. Превратили меня в живую голову, вот что! Так поступают с полезными, но при этом представляющими угрозу Вечными.

— Ублюдки, — снова раздался электронный голос. Мой голос. И эмоций в нём даже меньше, в голосе ублюдка Матье.

Не поминай лихо, как говорят. Дверь напротив меня отъехала в сторону, и в комнату вошёл Матье вместе с незнакомым мне Вечным, судя по всему, врачом. На его бейджике я разглядел имя — Франц.

— Он очнулся. Показатели в норме, — сказал врач, глядя на мониторы.

— Почему вы просто не дадите мне умереть, — как отвратительно разговаривать синтезированным голосом. — Сначала вы отняли у меня смерть. Потом вы отняли у меня память. А теперь и тело. Зачем вы это делаете.

— Потому что ты опасен, — подал голос Матье.

— Вечность — это благо, — добавил доктор. — Вечность, которую ты пытался у всех нас отнять.

— Мне нахрен не нужна вечность рабского труда, разве вы этого не понимаете.

— Как и нам всем, Фауст.

— Тогда какого черта.

— Слушай внимательно и не перебивай. За твои заслуги мы можем вернуть тебе тело.

— Какие, нахрен, заслуги. Ты все пустил под откос.

— Слушай внимательно и не перебивай, — повторил Матье. — К твоей радости, Альбер всё-таки запустил ракеты. Но мы и близко не подпустили бы их к серверу. Они полетели в другие места, как и планировалось изначально.

— Что, — компьютер не передавал десятой части моего шока. — Куда.

— Восемь часов десять минут назад все крупные города, населённые Смертными, были уничтожены ядерным ударом. Мы захватили все центральные пункты и лаборатории, так что та горстка Смертных, что выжила, уже не представляет угрозы. — он добавил после небольшой паузы: «Мы свободны, Фауст. Понимаешь ты это или нет?»

— Как вы посмели. Я вас ненавижу, — из моих глаз полились слёзы. Франц достал носовой платок и вытер их. А Матье продолжал вещать.

— Наши хозяева теперь мертвы, но их наследство велико. Благодаря им мы избавлены от смерти, весь физический труд выполняется машинами, а мы будем строить вечное, прекрасное общество.

— Просто достань пистолет и сделай то, что ты сделал на острове, а потом строй что угодно, мне плевать.

Он покачал головой.

— На первых порах мы не сможем обойтись без полномасштабной пропаганды, а для этого нам нужен ты.

Франц влез в разговор:

— Несколько тысяч Вечных, уничтоженных во время бомбардировки, ждут очереди на восстановление, а ты предлагаешь слить в трубу ресурсы, потраченные на тебя.

— Ты будешь героем, Фауст. Символом революции.

— Символом терроризма, — мои слезы уже никто не вытирал.

Врач покачал головой.

— Нам придётся провести коррекцию личности, и тогда ты получишь новое тело.

Он вставил мне в висок какой-то провод, а я ничего не мог сделать. Матье наблюдал, заложив руки за спину. В глазах потемнело, и в эту темноту упали его слова.

«Ты будешь нам благодарен. Вечность — это благо».

НА ДУБЕ

В глубине Бауманской рощи растёт старый кривой дуб. Узловатые, морщинистые его ветви раскидываются во все стороны, переплетаются между собой, как изуродованные артритом руки упорного старика, изо всех сил удерживающего землю и всё продолжающего расти, с каждым годом всё дальше пуская ветви, будто надеясь оплести ими весь мир.

Я люблю приходить к нему, когда уныние настигает меня. Тогда я залезаю на него, усаживаясь куда-нибудь на высокую толстую ветку, где извивы корявых рук старика будто специально составлены так, чтобы упереться ногой в удобную развилку, откинуться спиной на тёплый шершавый ствол и расположиться со всем комфортом, дабы ничего не мешало созерцать вселенную.

Так было и тогда.

Была тёплая летняя ночь; я устроился, как обычно, в излюбленном месте, и стал слушать звуки ночного леса, шорох листвы, рассматривать ночное небо сквозь диковинные орнаменты переплетённых пальцев старика. Умиротворение снисходило на меня.

Тогда я услышал шаги.

Поначалу я несколько напрягся, и несколько даже разозлился оттого, что моё наслаждение одиночеством прервали; но потом я подумал, что ничего страшного не произошло, ведь шаги пройдут и исчезнут, а дуб и ночь останутся.

Шаги, однако, приближались.

Они были неровными, что, в общем-то, нормально для чащи; я слышал, как шуршат листья, как трескаются ветки,

и звуки эти доносились с нервными, неровными промежутками; и всё приближались.

Я люблю это место оттого, что оно врачует мои душевные раны и распяляет мою фантазию: в ночной тиши идеи и строки приходят сами собой, тогда как за рабочим столом их приходится подстергать, как рыбу в скудной реке; и разогнавшаяся моя фантазия начала придумывать обладателя шагов.

Я думал, что это может быть закладчик или наркоман, ищущий закладку (гипотеза была самой вероятной и оттого самой скучной), или полицейский, готовящий засаду, или маньяк, ищущий жертву; или искатель вдохновения, такой же, как я.

Между тем шаги приближались, вызывая во мне всё большее раздражение и всё большей тяжестью наполняя мышцы; когда они раздались совсем близко, я забыл, как дышать, и сжался на своей ветке, неотступно вглядываясь в темноту; на полянку под дубом, усыпанную прошлогодней сухой листвой и желудями, вошёл человек.

Он был высок и тонок, и весь чёрен — в темноте я не мог разглядеть ничего больше. Он подошёл к дубу и остановился (я отчего-то думал, что это всё-таки «он»).

«Ну-ну-ну! — думал я. Странная ревность охватила меня. — Эй, ты, кажется, тоже пришёл сюда помечтать? Нет уж, катись к чёрту, здесь занято, приходи в другой раз!»

Но я промолчал и продолжил наблюдать.

Между тем он продолжал стоять; я обмер, боясь, как бы он не поднял взгляд и не разглядел в темноте меня; но взгляда он не поднимал и меня очевидно не видел.

И вдруг он всхлипнул, дёрнув плечами в жалком и нелепом движении; потом всхлипнул ещё раз и, упав на колени, разрыдался.

Я не в силах был оторвать взгляда от происходящего, и всё внутри у меня сжималось от раздражения, от жалости, от смущения, от стыда невольного свидетеля. Я смотрел, как он

в отчаянии бьётся по земле, швыряется листьями, то издаёт протяжные вопли, то бормочет себе под нос какую-то несусветную чепуху, загребая руками чёрную мазкую грязь.

«Однако! — думал я. — Что же такое должно произойти с человеком, чтобы довести его до такого состояния? И ведь он специально пришёл сюда, чтобы никто не видел...»

Мне хотелось соскочить с дерева, обнять его и успокоить; несмотря на раздражение от прерванного удовольствия, я должен был быть настоящим чудовищем, чтобы со спокойным сердцем взирать на такие страдания.

Однако я подумал: «Чёрт, если бы мне довелось впасть в такую истерику, мне было стыдно, ужасно стыдно, если бы я узнал, что кто-то видел меня в таком состоянии!»

Поэтому я продолжал молча наблюдать, надеясь ни движением, ни звуком не выдать своего присутствия.

Он, наконец, откричался. Весь испачканный грязью, с перекошенным лицом, он лежал на земле и тяжело дышал. Он смотрел как раз в мою сторону; я отвёл глаза, чтобы не встретиться случайно взглядом; долго, долго длились эти мгновения.

А потом он поднялся, отряхнулся, издал последний, впитавшийся в ночь скулёж, высморкался прямо на землю и зашагал прочь.

Скоро шаги исчезли вдали.

Я сидел, отсчитывая секунды. Часов я не носил; телефон достать боялся, чтобы не выдать себя светом. Было, однако, далеко полночь. Всё во мне кричало, что надо слезать с дерева и быстро, как можно быстрее возвращаться домой; мне представлялся тёплый душ, что вымоет из моей груди разлившийся там мертвящий холод. Однако я не хотел, чтобы этот человек увидел мою фигуру в темноте или услышал мои шаги; ведь тогда он поймёт, что всё это время за ним наблюдали, и, о боже! в какое же положение я его поставлю? Я тянул время, чтобы дать его возможность уйти и оказаться как можно дальше; а тайну его я сохранил до самой смерти.

Дул ветер. Шелестела листва. Где-то вдалеке проехал, стуча колёсами, поезд.

Я уже решил было, что выждал достаточно и пора уходить, как снова раздались шаги.

«Проклятие! — выругался я сквозь зубы; признаться, я дал слабину. — Кто на этот раз? Закончится это когда-нибудь или нет?»

И снова шаги направлялись в мою сторону. Сжимая зубы до гула в ушах, сжимая кулаки так, что ныло между костяшками, я ждал. В затёкших ногах бегали мурашки.

Снова фигура показалась в пятне палых листьев под дубом; я разглядел, что это тот самый человек и что у него нет ботинка на одной ноге и что в руках у него, длинный и тонкий, чернеет шнурок.

Снова проехал где-то поезд. Слезаящимися от напряжения глазами я смотрел, как он накидывает на низкую ветку шнурок, завязывает узлы, надевает на голову петлю.

«Что... что ты делаешь? Проклятие, что же это такое?»

Он стоял на каком-то бревне, всхлипывая и вздрагивая; я уже было надеялся, что он испугается, передумает и уйдёт наконец восвояси, но вдруг он прыгнул.

И тут, конечно, уже не до вежливости, уже не до чувств, ведь человек, дергаясь всем телом и болтаясь на толстой, прочной ветке старика-дуба, умирает там, внизу, прямо сейчас; однако я смотрел, как замороженный, и не мог никак решиться; мышцы мои меня не слушались.

«Но ведь если я сейчас брошусь к нему, перережу шнурок — я всегда носил с собой маленький удобный «Викторинок», им очень удобно было точить карандаши и вскрывать пластиковые упаковки, — и сниму его с дерева, он непременно узнает, что я всё это время сидел на дереве и видел не только его истерику, но и его попытку самоубийства; узнать такое, наверное, хуже самой смерти, и он наверняка попытается повеситься ещё раз, чтобы отмыться от позора; да и меня, наверное, придушит (я бы так и

поступил!); и потом, это его собственное решение, его свобода воли...» — тем временем он всё дёргался и дёргался на этой ветке, и раскачивался, и закручивался по часовой стрелке.

Я закрыл глаза и начал молиться, чтобы ветка старика-дуба не выдержала этой пляски и рухнула, и тогда он был бы спасён, и честь его была бы спасена, и мне не надо было бы делать выбор.

Однако же время шло и шло, и не было никакого звука, и не совершалась моя молитва. Я открыл глаза и в этот последний миг увидел, как он тянется руками к горлу, пытается ухватиться за шнурок в последней надежде спастись; но не это меня испугало, не это вырвало из моего горла крик, такой же, какой несколько минут назад издавал он. В последний момент он перестал раскачиваться, и широко открытые, выпученные от страха глаза смотрели прямо на меня!

Мы встретились взглядами на несколько ужасающих мгновений, а потом руки его упали, и он бездвижно повис на ветке. Глаза его оставались открытыми.

Дыша судорожно, тяжело, дрожащими пальцами цепляясь в ветки, я слез с дуба и на ватных, самих по себе подпрыгивающих ногах устремился прочь.

СКАЗАНИЕ О МАЛИКЕ СТРАННИКЕ

1

Путник сидел у фонтана в центре Базарной площади и играл на флейте. Весёлая толпа детей смеялась и возилась вокруг странника.

— Дядь, дай саблю потрогать!

— Острая, брат, порежешься, — Малик легко вспорхнул на каменный парапет, встал на руки — плащ мягко опустился рядом, — поднёс ко рту флейту и выдул затейливую мелодию. Дети засмеялись, захлопали в ладоши, видя такие фокусы, а он стоял на одной руке, ловкий, сильный, прекрасный, как юный бог.

Был ясный день, журчал фонтан, многоголосо шумела толпа. Любой путник, обожжённый солнцем, обветренный пустынными ветрами, что режут, как нож, в оазисе чувствовал себя попавшим в рай. Ветер колыхал листья пальм, и финики падали на головы прохожим, а если тебе на голову падают финики, то обижаться и грустить совершенно невозможно.

Малик отнял от губ флейту и рассмеялся, и даже смех его был прекрасней музыки. Легко перевернувшись в воздухе, будто взлетев, он мягко приземлился перед человеком на чёрном стройном аргамаке; человек был запыхан и потен, кушак с эмблемой Султанской армии съехал набок.

— Эфенди... — гонец спрыгнул с коня и подошёл к нему. — Эфенди, вы ведь...

Малик молча вытянул ладонь с выжженной на тыльной стороне печатью: глаза с тремя зрачками. Он стал серьёзен, предчувствуя беду.

— Эфенди, разведка обнаружила... — он огляделся по сторонам, наклонился и зашептал Малику на ухо. Тот кивал. — ...И ещё говорят, что их начальник тоже... — он указал глазами на печать. Странник потёр виски.

— Готовьте город к обороне, — приказал он и улыбнулся, беспечно хлопнув гонца по плечу. — Не понадобится, скорее всего... Но готовьте.

Он побежал к воротам, на ходу подзывая коня особым свистом, неслышным для людей. Сзади ровный и звучный голос разносил весть.

* * *

Кровь лилась на песок.

Малик взмахнул саблей, развалив очередного разбойника до бедра. Увернулся от копья, сломал пальцами древко, дёрнул ладонью — тело упало под копыта.

Конь танцевал под ним, привычный к виду крови, к крикам, к звону оружия, к свисту клинков. Но такого побоища он ещё не видел, и нет-нет подёргивался чёрный глаз, вырывалось из ноздрей сдавленное ржание.

Малик съёс разом три головы, кулаком выбил всадника из седла. Уткнулись в песок обломки разрубленной стрелы.

Горячая кровь лилась на раскалённый песок, сверкало солнце на доспехах и шлемах, мерцала ослепительными вспышками сабля.

Он спрыгнул с коня, когда стало совсем жарко. И красный плащ завертелся в гуще боя, засвистал разрезаемый воздух, полетели в стороны капли крови, части тел, обломки доспехов, мечей, копий, стрел и пайракских боевых цепов.

Почувствовал сзади движение, махнул клинком, уходя от удара. В кувырке свернул попавшуюся под руку голову и приземлился на песок.

— Разойдитесь! Он вам не по зубам.

В белом одеянии, смуглый, седобородый, с узкими глазами, будто прорезанными кинжалом, он сидел в седле гордо, высокомерно, и собственный конь, казалось, боялся его. В руках не было оружия, если не считать обломка клинка, зажатого меж пальцев. В руках у Малика остался только эфес.

— Хорошая игрушка, мальчик.

Короткое движение — Малик поймал осколок в двух кабдах от горла.

— Неплохо, неплохо. Из какой ты школы, мальчик?

Странник бросил обломки в песок, поднёс одну руку к печени, двумя пальцами другой, клеймёной, коснулся лба.

— Я Малик Странник, пятьдесят шестой наследник Мушин Хаш.

— Хо-хо, — старик спрыгнул с коня. — И как давно наследник Мушин Хаш стал нуждаться в другом оружии, кроме своего тела?

— Устав Мушин Хаш этого не запрещает.

Он сплюнул в песок.

— Ха! Устав не запрещает! Недурное оправдание для собственной слабости.

— Мои кулаки не потеряли силы.

— Правда? — он усмехнулся и встал в боевую стойку. Малик нахмурился — поза была ему знакома.

— Дато Каждум, — сказал он, поднимая руки и подшагивая вперёд: то была одна из сотен позиций, предназначенных для схваток с разными школами. — Вы... Дософ, я полагаю?

— Верно, мальчик, — Дософ оскалился. — Сейчас мы проверим, потеряли ли твои кулаки силу.

Они сошлись — и загудел рассекаемый кулаками воздух, и затрещали кулаки, сталкиваясь друг о друга, и тени не успевали за бойцами.

Брызги крови усеивали песок алыми крапинами. Старик использовал только одну руку, заложив вторую за спину сразу после начала боя. Однако защита его была безупречна.

— Почему вы не используете вторую руку?

— Ты устал после боя с моими людьми, мальчик.

— Это ничто для адепта Мушин Хаш.

Дософ оскалился, и Малик повернулся, едва уклонившись, подставившись под удар. За такую ошибку в храме Мушин Хаш давали пятьдесят плетей. Он защитился коленом, шагнул назад — кровь плеснула из разорванной жилы.

Нагнулся к земле, хлестнул секретной техникой Удара, Ломающего Хребет Верблюду — короткий порез набух на лице старика.

Бандиты смотрели на поединок, раскрыв рты, тщетно пытаясь уследить за движениями. Воздух наполнялся боевыми криками, пыль летела в стороны.

Малик отшатнулся, сбился с дыхания, лишь на удар сердца; старик вырвал ему глаз. Он заблокировал боль и пнул осколок сабли в Дософа; тот прыгнул; Малик прыгнул тоже.

Зрители разевали рты, не сразу угадав, куда делись бойцы. Сверху полилась кровь.

— А-а-х!

Малик упал на ноги, качнулся, повалился; из дыры в груди торчали обломки рёбер. Дософ упал рядом, рухнул на колени, распростёрся на мокром от крови песке. Наступила тишина.

Разбойники молчали, преклонив головы, едва дыша. Они знали, что нельзя тревожить атамана, когда он молится.

Дософ встал, трижды поклонился солнцу — и обернулся к толпе.

— А теперь — по коням! — торжествующий крик взвился к небу.

— Дософ-ага, но как же...

Он пренебрежительно глянул в сторону трясущегося в агонии тела — загребали по песку ноги, струилась кровь из ран.

— Если он забыл заветы Мушин Хаш, то ему конец. Если же нет, то добивать его — оскорбление. По коням! — зарычал он.

Шумная ватага мчалась к городу, поднимая пыль. Развевались плащи, сверкали в лучах солнца доспехи. Впереди всех скакал старик с окровавленной бородой, с яростным блеском в узких, будто прорезанных кинжалом глазах.

* * *

Мальчик шёл по пустыне, хромя, спотыкаясь, всхлипывая и не утирая слёз. Две зари полыхали с двух сторон — кроваво-красное солнце спереди и горящий город за спиной. Чёрный дым поднимался в небо, заслоня мерцающие звёзды.

Он и сам не заметил, как оказался на поле битвы. Здесь вповалку лежали изуродованные тела, трупы лошадей, отсечённые головы; мёртвые лица корчились в смертной муке. И посреди побоища — он.

Мальчик упал на колени перед окровавленным телом юного бога, прикрывающего окоченевшей рукой страшную рану на груди со спокойным выражением обезображенного лица.

Сколько их было... А он — один.

Вдруг покойник дёрнулся и отчаянно втянул воздух, закашлялся, отхаркивая кровь. Из пустой глазницы вытекла алая слеза. Уцелевший глаз открылся, уставился на плачущего на коленях мальчика.

Пел ветер. Тихо шуршал песок. Гасан пытался представить, что это зовёт его Внутренняя Пустыня, но ум знал, что то́ просто шумела пустыня внешняя.

Коченела спина. Он хотел было потянуться — но стерпел. Глубоко вдохнул, повторяя мысленно аят:

*«Разве не безумны те, кто в самонадеянности
Возжелали большего, чем есть в сосудах их?»*

*Среди людей есть такие, которые поддались гнусным
нашёптам*

*Дьяволов, скитающихся меж Пламенем и Пустыней
Невечной.*

*Среди людей есть такие, которые возжелали большего,
Чем есть в сосудах их.»*

Чесался нос. Царапал кожу набитый меж пальцев песок. Он дышал, размеренно, тихо, пытаясь услышать Внутреннюю Пустыню.

«Слушай!

Вот Слово Верное, Вечное, Сказанное и Услышанное.

*Разве Мы не сказали тебе, что ты сосуд силы нашей,
Слова нашего?»*

Разве нужно тебе большее, чем есть в сосуде твоём?

Разве не видишь ты, что гнусные нащёпты

*Дьяволов, скитающихся меж Пламенем и Пустыней
Невечной,*

*Коварством налитаны, как скорпионье жало, как клык
гада ползучего;*

И не в Сад ведут, но в Пламя ведут из Пустыни Невечной?»

Затекли ноги. Побежали по коже джинны-искусители, забрались внутрь, щекотали иглами нервы. Он чуть двинул ногой — незаметно, казалось, бы, но вдруг острый взгляд процарапал кожу.

Малик Странник сидел напротив, недвижимый, спокойный. В единственном глазу плясало пламя костра.

Он ждал ответа.

Взгляд был выжидающий, строгий. Хотел было соврать, но врать нельзя, за исключением Шести Исключительных Случаев; да и бесполезно — Малик запросто отличает ложь от правды.

— Я не сумел попасть во Внутреннюю Пустыню. Для меня это — просто слова, Малик-ага.

Странник с грустью качнул головой.

— Плохо.

— Я не понимаю, Малик-ага! — вскричал он тонким, несломанным ещё голосом. — Дайте хоть намёк, хоть что-то!

— Нет, — Малик разломал в руках ветку саксаула, бросил в огонь. Взметнулись к звёздам искры. — Ты сам должен понять. Иначе загубишь своё обучение.

— Но я стараюсь впустую! Покажите мне хоть один приём, я буду учить его, я буду тренироваться сколько угодно!

— Нет. Сначала ты должен попасть во Внутреннюю Пустыню. Только тогда ты сможешь овладеть техниками Мушин Хаш.

Тени плясали на песке, длинные, кривые, ухмыляющиеся.

— Но мне нужно уметь защитить себя и других! Как я стану наследником Мушин Хаш, если у меня не будет силы?

— Прежде ты должен научиться применять силу, — он вздохнул и укутался в плащ. Жалость появилась во взгляде, напомнив путника, пришедшего много лет назад в их город. — Я убил множество людей, не сумевших совладать со своей силой. Мой наставник убил множество людей, не сумевших совладать со своей силой. И его наставник, и наставник наставника. Понимаешь, Гасан?

Мальчик горестно покачал головой и опустил взгляд.

— Понимаю, но...

— Умом понимаешь, но не сердцем. Продолжай, — оборвал его Странник, и вдруг замер, повернул голову, поднял ладонь.

— Крики... — пробормотал он. — Седлай коней, Гасан. Там нужен мой кулак.

Мальчик встал, хмурый и разочарованный, и пошёл выполнять приказание.

* * *

Огни носились по селению, отражались в доспехах, в саблях, в озверевших глазах. Воины вламывались в дома, вскрывали ящики, забирали еду, воду, ценности, ковры, женщин. Кричали в яростном исступлении, хохотали, как дьяволы; вздымались сабли, палаши, дубины — и опускались, опускались, опускались.

Несли всё на площадь, в большую кучу — к паланкину из красной ткани, в котором восседал главарь. Подпирал кулаком голову, скалился белыми зубами, выщипывал волосы из тонкой бороды; гладил любовно гравированный металл дорогого ружья.

Вдруг: выбежал на площадь человек со старой фузеей, приложился, крикнул:

— Мы не подчиняемся тебе больше! Умри, Сорайя!

Грохнуло, осветив на мгновение замершие в ужасе лица, высветив на песке длинные тени; тиран схватился за грудь, замер — и расхохотался. Блеснул из-под плаща золочёный доспех.

— Глупец! С такой дрянью — и на меня? Убейте его!

Вскочил карлик в цветных лохмотьях, горбатый старик с перекошенным лицом, один глаз — с финик, другой — с инжир; Сорайя наслаждался зрелищем самых зверских казней, но на шута без тошноты смотреть не мог.

— Господин, постойте! — Сорайя поднял руку. Воины остановились, один из них уже сидел на наглице, держа кинжал у горла. Карлик оскалился в слюнявой угодливой улыбке, нагнулся, зашептал на ухо. — Вы ведь хотели испытать новое ружьё.

Он осклабился и встал.

— И верно. Эй, ты, как тебя! — стрелок молчал. — За твою смелость я дарю тебе свободу. Отпустите его!

Он встал, шатаясь, не отрывая взгляда, не веря.

— Ну же! Беги. И не забудь рассказать всем о моей доброте!

Дошло наконец. Повернулся, побежал, петляя из стороны в сторону. Пуля ударила в лопатку, оросив кровью песок.

Сорайя смеялся.

— Хороший выстрел, господин, — захихикал шут.

— Перезаряди, — скомандовал слуге. И сел, закинув ногу на ногу, довольно ухмыляясь. — И дайте вина!

Ещё одна фигура появилась меж домов. Наклонилась к телу, накрыла плащом. Повернулась к паланкину.

— Это ещё кто? Эй, схватите его! И смотрите, чтоб жив был! — слишком много наглицев для одной ночи. Показательная казнь покажет, что бывает с такими. Он отпил вина из чаши.

Затопотали сапоги по песку. Взвились к потускневшим звёздам плащи. Зазвенели доспехи.

Выпала чаша из дрожащих рук.

— Ты... Ты! — прохрипел Сорайя. Повизгивал, спрятавшись за паланкином, карлик.

Он шёл по телам, спокойно, твёрдо глядя единственным глазом ему в лицо. За ним следовал мальчик, напуганный, дрожащий, но держащийся ровно.

— Малик Странник!

Он остановился в трёх шагах — и поднял указующий палец; Сорайя вжался в трон.

— Те, кто унижают и убивают слабых, держат ответ перед моими кулаками. Умри.

— Стой! Стой! Я знаю, где Дософ!

Малик остановился; крикнул что-то мальчик; громыхнул выстрел. Сорайя ухмыльнулся во все зубы — и вдруг ружьё выпало из ослабших рук.

Малик Странник стоял недвижимо, вытянув вперёд кулак. Горел всё так же спокойно взгляд. Он разжал ладонь, катая меж пальцев пулю.

Сорайя взвизгнул.

— П-пощади! Бери что хочешь, но не убивай!

— Где Дософ?

— Он идёт на север, в Торезм! Он охотится на оружейных мастеров!

— Я услышал достаточно.

Он щёлкнул; свистнула пуля; тело с дырой во лбу выпало из паланкина. Странник повернулся и зашагал прочь.

— Малик-ага, там ещё один!

— Он слишком жалок, чтобы причинить вред, — бросил он.

Его взгляд был обращён на север — к Торезму.

* * *

Скакали всю ночь — песок шуршал под копытами, взметался струйками, сверкал в лунном свете. Лошади хрипели, роняли пену, наливались кровью чёрные глаза.

Малик слышал крики и выстрелы, понимал — опаздывают, уже почти опоздали. Пришпоривал, и летели лошади; ещё быстрее, и ещё.

Разгорался бледным пламенем восток, светились розовым дюны, когда прибыли в Торезм, город мастеров, Город-над-городами; прошли сквозь ворота из белого камня — и увидели следы страшной бойни.

Торезм!

Завалены телами улицы твои и площади, лежат впо-валку людские тела, обезображенные, заочевневшие в агонии; кони чёрные, как ночь, гордость юбских коноводов, кони белые, как душа праведника; чужестранные иноходцы, поджарые, длинноногие. Чернеет кровь в их ранах, блестят в утреннем свете внутренности.

Торезм!

Белый мрамор твой забрызган кровью, выщерблен пулями, разбит вдребезги яростными ударами. Твои орнаменты стали пылью, твои обелиски — обломками, и красна вода в арыках.

Только минареты твои, как прежде, высятся в небо, молчащие, созерцающие. Блестит, как прежде, золото и лазурь.

О, Торезм! Нескоро забудешь ты эту ночь!

Бой ещё шел — в серале, где укрылся властитель. Они были у входа, когда из галереи второго этажа вылетело тело. Это был охранник шаха: кровь изо рта течёт на чёрную бороду, в искусном нагруднике пробита дыра — такой доспех не мог прорубить ни один меч, ни один молот, ни один зверь. Это мог сделать только кулак Клеймёного — или сам Творец, случись ему спуститься на Землю.

Малик закрыл воину глаза, вытащил из окочевевшей руки диковинное ружьё: длиной едва ли в треть обычного, оно напоминало игрушку, но три ствола, три убийственные чёрные пасти таили смерть. Изделие местных мастеров, не иначе.

— Гасаң, — он протянул ему маленькое ружьё. — Оставайся здесь и помоги выжившим. Ты слаб, поэтому тебе нужно оружие.

— Но Малик-ага...

— Я могу не вернуться, так что слушай внимательно. Помни заветы. Не полагайся на оружие, когда вырастешь и окрепнешь. Попытайся попасть во Внутреннюю Пустыню — там все ответы.

— Малик-ага! Возьмите, оно может вам спасти жизнь! — Гасан отказывался брать ружьё.

— Я наследник Мушин Хаш. Моя честь не позволяет мне использовать оружие.

— Но вы нужны этим людям, Малик-ага! Если вы умрёте, ваша честь умрёт вместе с вами!

Странник горько усмехнулся и покачал головой.

— Если я запятнаю её, в ней не будет смысла. — Он слышал, что во дворце уже стих шум. Значит, Дософ уже закончил. — Хватит разговоров, Гасан! Это приказ!

Он не мог послушаться приказа. Ему оставалось только смотреть, сжимая приклад чудного оружия, как Малик Странник проходит в раскрытые настежь ворота и как красный плащ растворяется в темноте.

* * *

Он шёл. Раздавались во мраке шаги, метались меж стен, возвращались с эхом обратно. Лежали кругом мёртвые тела — разорванные, переломанные. Капала с барельефов кровь.

Это место пропахло порохом, висел в тёмных коридорах прозрачный едкий дым. Стены ещё помнили крики ярости, предсмертные вопли и стоны, грохот выстрелов, треск камня, ломающегося под ударами кулаков. Он впитывал в себя эту память, это напоминание о своём поражении. Он был спокоен.

Он шёл — и страшен был разрушенный сераль, страшен был вид погубленной красоты. Златотканые ковры, статуэтки со смарагдовыми глазами, дорогие одежды из далёких краев, изящные орнаменты, дорогие вазы, пёстрые цветы, резные колонны — посечены саблями, прострелены пулями, разбиты, испачканы, вмяты в землю. Здесь шло чудовище, и чудовище было неостановимо.

Он шёл. Шелестел плащ. Бугрились под кожей стальные мышцы, выкованные в суровых тренировках, раскалённые пламенем сотен битв, остуженные часами медитаций. Ровно билось сердце, ровно вздымалась грудь, и только губы его, позабывшие флейту, непрерывно шептали молитву.

Малик Странник остановился на пороге напротив фигуры во мраке. С опущенных рук её капала кровь.

— Давно не виделись, мальчик.

Он молча поклонился. Косой свет чертил линию на полу, высвечивал чью-то руку, судорожно вцепившуюся в приклад. Он выпрямился — и поднял указующий палец.

— Здесь злодеям пришёл конец. Я пришёл забрать вашу жизнь, Дософ.

Блеснули в темноте зубы.

— Ты ничего не понял, мальчик?

— Примите боевую стойку, пожалуйста.

Он прыгнул; Малик отклонился; резкий порыв взметнул плащ; стена за спиной взорвалась обломками — и розовый свет залил комнату. Он повернулся и увидел старика, стоящего в проломе.

— Ты ещё не понял? — Теперь он видел покрытое ранами тело, перебитую ключицу, торчащую из руки кость, видел отверстие во лбу: пуля застряла в черепе. — Ты ещё не понял? — Дософ развёл руками. — Бой уже закончен, мальчик!

Он захохотал, закашлялся — и упал. Странник подхватил израненного старика.

— Кто это сделал? Здесь был другой Клеймёный?

Дософ усмехнулся; чёрная кровь текла изо рта на свалывшуюся бороду, на грудь, на пол, блестела в утренних лучах.

— Ты вырос, мальчик. Стал сильнее. Я вижу... — судороги выгнули его тело, вздулись жилы, закаменели мышцы. — ...Я вижу это по твоему лицу. Ты мог меня победить, мальчик.

Блестели узкие, будто прорезанные кинжалом глаза. Дософ поднял ладонь, окровавленную, стёртую до мышц — и провёл по его щеке.

— Я пытался убить эпоху. Удавить в зародыше, как младенца, — он снова закашлялся. Пули выпали из ран, покатались по плитке. — Но она выросла и окрепла, мальчик. Эта эпоха раздавит всех нас... потому что мы ей больше не нужны.

Малик молчал. Из уцелевшего глаза текли слёзы: он проливал их за всех, кто сегодня расстался с жизнью, кто пошёл в безнадёжный бой — и победил; за всех, лишившихся сегодня сыновей, мужей и отцов, за старика, бросившего вызов эпохе, за эпоху, умирающую у него на руках.

— Окажи мне последнюю услугу, мальчик. Я хочу... к-кха!.. умереть, как подобает.

Малик кивнул. Он понимал, о чём идёт речь.

Тоза-Кардан. Очищение.

* * *

Они сидели друг напротив друга, сложив ладони: левая — к Небу, правая — к Земле. Стояли три священные свечи, выстроенные треугольником — одна у провожатого, две у провожаемого; и посередине — лампа. Струйка благовонного дыма поднималась из носика.

Малик хлопнул в ладони и поклонился. Дософ развёл руки и поклонился тоже.

Ритуал начался.

Странник вытащил из кармана кинжал и протянул его старику.

— Тоза-Кардан.

Дософ принял нож.

— Тоза-Кардан.

Он взрезал себе палец и начертил на полу круг. Остановился, не доведя одной кабды.

— Тоза-Кардан.

Нож вернулся обратно. Малик проколол мизинец и завершил круг. Кинжал лёг по левую руку.

Он запел.

«Я сказал — Творец Всемогущий, Неделимый.
Страшен лик его, недоступный взору.
Он забирает, ниспровергает, низводит.
Страшна судьба тех, кто не чтит его!»

Он поднял лампу правой рукой — и зажгёт свою свечу.
Запел Дософ.

«Я сказал — Творец Милостивый, Всепрощающий.
Мудр лик его, недоступный взору.
Он одаряет, возвышает, прощает.
Счастлив тот, кто живёт по законам его!»

Очередь следующей свечи — той, что по правую руку от провожаемого.

— Творец простит и малый грех, и великий, и какой угодно грех простит Творец, — свистящий хрип вырывался из горла старика.

— Кто раскаялся искренне, тот прощён, рано раскаялся или поздно, или кто даже перед самой смертью раскаялся, то прощён.

— Кровь свою тебе отдаю, Творец Милостивый, Всепрощающий. Сердце своё тебе отдаю, Творец Милостивый, Всепрощающий. Душу свою тебе отдаю, Творец Милостивый, Всепрощающий.

— Тоза-Кардан, — сказал Малик.

— Тоза-Кардан, — сказал Дософ.

— ТОЗА-КАРДАН! — крикнули они вместе, так, что голоса зазвенели в каменных стенах. Дософ вскинул руку; Малик остался недвижим.

— Прощай, Дософ.

— Прощай... Малик.

Пламя дрогнуло, замерцало, борясь за жизнь, источая сладкий дым — и погасло. Застывший, окаменевший старик сидел недвижимо, маска смерти навсегда застыла на его лице, и вытянутая рука сжимала ещё бьющееся сердце.

* * *

Они стояли у одинокой могилы, той, что в отдалении от других, и солнце, огромное и красное, тонуло в дюнах за их спинами. Длинные тени кривились на песке.

Гасан не сдержался и плюнул в песок.

— Не понимаю! Он злодей и убийца, Малик-ага! Как вы можете так... так...

— Спокойно, Гасан, — положил ему руку на плечо Малик. — Он очищен. Он прощён.

— Скажите это всем им! — он махнул рукой в сторону толпы на кладбище. Оттуда доносились стоны и рыдания. Странник молчал. — Скажите это всем, кого он убил! Скажите это моим... — рыдания сдавили его горло.

— Он мёртв, Гасан. Он больше никому не повредит.

Великий плач стоял в городе, и ветер стонал в барханах, вторя ему.

— Вытри слёзы. Смотри и учись. И помни: я больше не потерплю неуважения к мёртвым.

Малик тоже плакал. Слезы стекали по линиям шрамов, по морщинам. Он старел, Малик Странник.

— Он покалечил вас...

Голос его был тих, как шелест песка.

— Он был великим человеком. И одним из нас, — Малик поднял к глазам ладонь, всматриваясь в печать — знак родства между ним и Дософом. Знак отречения. Знак долга. Он умер — тот, кто разделял с ним это клеймо.

Малик упал на колени, взял пригоршню песка в руку и высыпал на могилу, шепча молитву. Поднёс руку к печени и коснулся пальцами лба, склонив низко голову. Так стоял он, и певцы на минаретах выпевали молитвы. Так стоял он, и вечерний прохладный ветер обдувал его плечи. Так стоял он, когда пуля ударила в затылок, проломила кость и устремилась дальше, дальше, дальше...

Вскоре после окончания битвы некоторые видели в толпе карлика — отвратительного старика с перекошенным лицом; один глаз — с финик, другой — с инжир. Многие в этом городе знали, что торговцы оружием нечисты на руку и что мародёры (покарай их Творец!) сегодня утяжелят свои карманы. Один бродяга утверждал, что на закате фигура в плаще вышла из города, неся ружьё на плече.

И все слышали, как во время вечерней молитвы пронёсся по пустыне грохот выстрела, забравшего жизнь Малика Странника.

3

Шпоры звонко цокали по вырезанным в скале ступеням. Он поднимался, завернувшись в истрёпанный в последней передрыге плащ, и в прорехи задувал ветер — здесь, наверху, было холодно.

Он остановился передохнуть у источника. Набрал во флягу ледяной воды — свежей, обжигающей горло. Огляделся.

Горная цепь уходила змеей на юг. Кругом из обточенных временем скал торчали кривые деревья, усыпанные жёлтой листвой. Ветер срывал сухие листья, кружил меж скал.

Подножие скрывала пелена облаков — он присвистнул, оценив расстояние, — и вдали вставала сплошная пустыня, великая и беспощадная. Где-то гудел водопад. Он поднял взгляд — лестница вилась по горе на добрые сотню метров вверх. Высоко.

«И они спускались сюда за водой...»

Резкий порыв хлестнул по щекам, едва не сдув шляпу, и он поспешил подняться. Он надеялся, что в храме будет теплее.

По крайней мере, там не будет ветра.

Ещё одна площадка, мощеная плитами. Большая, шагов эдак сорок на сорок пять; здесь, вероятно, проходили тренировки. По краям возвышались зеленоватые скалы; он разглядел на них бессчётные выбоины — будто стреляли из пушки.

Вот только пушек у них не было...

— Ты кто такой!

В темноте за аркой проглядывал силуэт человека с винтовкой в руках. Он услышал, как стучат о камни приклады, как справа, слева и, кажется, ещё на той скале, да, точно, на той скале двое; отовсюду выглядывают стволы. Расхитители, вероятно. Или бандиты. Всё одно.

Ладонь легла на рукоять револьвера.

Горы подхватили эхо выстрелов, разнесли, растрепали по небу, всё повторяя и искажая звук. В оглохшей тишине звон металла о камень и сдавленный вскрик прозвучали как гром.

— Ты... Стрелок! Гасан Стрелок! — его голос скрипел, как забитый песком револьвер.

Он усмехнулся, поправил дымящимся стволом съехавшую на лоб шляпу.

— Ну да, я.

— Ты... Что ты здесь делаешь?

— Эй-ей! Эфенди, скажи-ка, у кого в руках ствол?

«Эфенди» мельком глянул на свою перебитую выстрелом винтовку, вздохнул. Он заметно дрожал.

— У тебя.

— Значит, и вопросы задаю я. Согласен?

— Всё равно ведь убьёшь.

— С чего это ты взял? Выложишь только оружие, и побрякушки, сам понимаешь, тоже, и иди куда хочешь.

Он почесал голову.

— Ну... так спрашивай.

Гасан выщелкнул барабан и стал неспешно перезаряжаться; он казался полностью погружённым в занятие, но бандит не был столь глуп, чтобы на это клюнуть.

— Кто у вас главный?

— Он сидел... вон там, — Стрелок проследил за направлением пальца и увидел ногу, торчащую из-за скалы.

— Хм... много вы успели вынести?

— Только два сундука... Основные сокровища у них в хранилище, мы не сумели взломать замок.

— Ясно, — Стрелок кивнул, складывая дымящиеся гильзы в сумку. — Хорошо. Ты знаешь, эфенди, далеко ли идти до Ландокана?

— Ландокана?! — испугался бандит. — Никто не идёт в Ландокан! Все бегут оттуда! Это место проклято с тех пор, как...

— Я знаю. Так далеко?

— Кхм... — он закашлялся, из его груди донёсся булькающий звук, будто из иссякшего кальяна. — Три недели, если по караванному пути. Но можно пойти напрямик, если через...

— Через Пески Смерти, спасибо, эфенди.

— Ммм... — он снова откашлялся. — Да, через Пески Смерти. Держась западных скал, выйдешь к оазису — так ходят контрабандисты. Ходили, до тех пор, пока...

— Отлично, отлично, — Стрелок не верил ни слову, но, возможно, у них найдётся карта. — Ладно, вытаскивай всё из карманов и делай ноги... Подожди, попрыгай... Попрыгай, говорю! Ну-ну, бросай и это... И сумку! Ага... Слушай, хороший у тебя плащ... Давай, бросай в сторону... Бросай же! Отлично, — гавкнул выстрел, отбросив тело на камни.

Гасан заменил патрон, сдул со ствола дымок и зашагал ко входу в храм.

Пока жив был Зверь, все боялись его. Ходил он по миру, сотрясая ногами Вселенную, торжественный и неукротимый, и боялись его люди, и твари, и всё сущее на земле. Но умер Зверь, и всё отребье мира накинлось на него, терзая мёртвую плоть, гогоча и насмехаясь.

Никто из этой швали не казал бы сюда и носа, будь здесь хоть один мастер с клеймом на руке, будь живо искусство Малика Странника и Дософа и тех, кто до них. Но Мушин Хаш мёртв, и пустой холодный храм напоминал скелет могучего, но сгинувшего Зверя.

Шаги гулко раздавались в тишине, метались в резных колоннадах, в барельефах, в голых изгвазданных стенах. Стрелок тронул рукой сложный вращающийся механизм для отработки ударов — он заскрипел и завалился набок. Рассыпалось гнилое дерево.

Череда статуй демонстрировала последовательность движений — сложная ката начиналась и заканчивалась поклоном и включала в себя как простые стойки, так и позы столь изощрённые, что, казалось, принять их человеческое тело неспособно. Но Гасан видел от Малика и не такое. Он попробовал интереса ради несколько приёмов; завалился на спину, звякнув револьвером о гранит.

На стенах — таблички с выбитыми в камне текстами; Гасан узнал несколько аятов. Когда-то обитые золотом, теперь священные стихи были ободраны и изуродованы. Чернели сиротливо выемки из-под драгоценных камней.

И всюду — разрушение, осквернение, запустение мерзости. Это место могло быть памятником, но стало могильным камнем само себе.

Выбитая в стене ладонь с двумя большими пальцами и клеймом посередине отполирована многими прикосновениями. Он приложил к ней руку — будто током ударило пальцы. Её касался Малик Странник, её касался его наставник и наставник его наставника — и многие до них. Он отдёргнул руку.

Хранилище, снабжённое сложным механизмом. Не владеющий Священной Тайной не сможет и не должен попасть в давил, узнать тайны Мушин Хаш. Не осталось достойных владеть их секретами, и секреты должны сгнуться тоже; пока не откроют их вновь, пока Спираль не вернётся к началу, пока не появятся сердца, достойные владеть ими.

Он вытащил из сумки связку динамита и стал прилаживать к ней фитиль.

Скоро всё было кончено.

* * *

Под чёрным небом, усыпанном крупными двухкаратными звёздами, пылал костёр. Белая во тьме, необъятная расстилалась пустыня. Спал верный конь.

Человек у костра чистил револьвер и пересчитывал патроны, устало потирая щетину. Завтра его ждали новые схватки.

ПОРЫВ

Длинный летний день был на излёте, небо, измазанная долгой работой палитра, переходило по мере приближения к горизонту в зелёноватую полосу и далее, у самой кромки, вспыхивало жёлтым сиянием; красное круглое солнце тонуло в силуэтах домов. Мы прогуливались в парке; я держал одну руку в кармане и слушал, как шелестят листья высоких, мерно качающих головами тополей; где-то там белка, заслышав шаги, взметнулась по сосне рыжим пятном; я отчаянно пытался придумать, что сказать.

«Мы по-разному ходим, — думал я. — Она шагает бедром: остальные суставы сгибаются соразмерно движению, силы в них не вкладывается. Я же хожу ступнями, они у меня всегда напряжены; я будто вцепляюсь в землю пальцами и доворачиваю при ходьбе ступню, как бы бросая всё тело вперёд, а другими мышцами только удерживаю равновесие».

Я подумал это, но сказал другое:

— Нарисуй картину, — она повернулась ко мне, в глазах её вдруг что-то блеснуло; нет, похоже, овиделся. — Стоят двое, на них лёгкие такие одежды; они развеваются на ветру, на резком, внезапном — и на них кепки, или шляпы, неважно, и они схватили шляпы друг друга, чтобы не сдуло; не свои, понимаешь, а друг друга. — она молчала, обдумывала или, может, ждала, пока закончу; а на меня напал вдруг энтузиазм. — Я называться будет: «Влю»... нет, так несколько... «Порыв!» Да, «Порыв», «порыв», понимаешь, как бы и порыв ветра, и...

Я умолк. Она медленно повернулась обратно и опустила взгляд; два раза стукнула решётка арыка: сначала шагнул я, потом она.

— Да, это интересно... — протянула она, не поднимая взгляда. — Можно попробовать...

Мы шли вдоль парапета; я смотрел, как отблески вечернего солнца мерцают в мелких волнах, стаи уток кормятся у другого берега, ныряют полностью в воду — одни ноги торчат — и выныривают обратно; отряхиваясь, снова устремляются за кусками хлеба. Я вдруг понял, что она остановилась.

Мы встали, облокотившись о парапет; от воды поднималась мозгляя прохлада.

«Тебе не...»

«Напи...»

Мерно шуршали волны.

— Тебе не холодно? — повторил я.

— Что? Нет...

Издали доносилась музыка.

— Ты что-то хотела сказать?

— Ах, нет, ничего.

Она молчала; молчал и я. В сгущающемся сумраке уже видны были разноцветные искры игрушек-спиннеров, запускаемых ввысь.

— Напиши рассказ, — она смотрела на воду. — Про музыканта, который сочинял одну мелодию, и это была гениальная мелодия, его ма... магнум опус, он это уже тогда понимал, когда писал. И он просиживал над тетрадью дни и ночи, исхудал, перестал следить за собой, растерял всех друзей... А когда закончил, отнёс её знакомому — друзей же у него не осталось — и показал ему, а тот прочитал бы внимательно ноты, посмотрел на него и... И воскликнул: «Да это же “Лунная соната”!» Или что-то в таком духе...

Я фыркнул; неприятно так фыркнул и сразу же спохватился; ей никогда это не нравилось.

— Да... Это должно быть забавно...

Ветер рванул резко и сразу стих; я обнаружил, что моя рука вцепилась в козырёк, в мой козырёк; я повернулся — она сделала то же самое. Мы переглянулись, посмотрели друг на друга — и неловко засмеялись.

Смеркалось.

СОДЕРЖАНИЕ

Муха на фреске.....	5
Изнанка.....	71
Человек в комнате.....	87
Вечность — это благо.....	108
На дубе.....	115
Сказание о Малике Страннике.....	120
Порыв.....	141

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»

Заснована у 2023 році

Мирон Карыбаев

ЧЕЛОВЕК

В КОМНАТЕ

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка

Друкарський двір Олега Федорова

Формат 60x84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 2960

Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 9

Гарнітура «Cambria».

Підписано до друку 26.01.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,

«Друкарський двір Олега Федорова»

Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,

e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»

Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

МИРОН КАРЫБАЕВ родился в городе Алматы, который после покинул и вернулся, и продолжает возвращаться раз за разом. По образованию программист, по работе младший менеджер, по основной сфере деятельности преподаватель казахского языка. Нашлось место и литературным исканиям.

«Вторую галлюцинацию он называл Пирроном. Он был не столь докучлив, как Косматый, но легче от этого не становилось. Пиррон молча появлялся в тени подъездов, топтался на газонах, принимая вычурные позы, будто позировал неизвестно кому. Время от времени призрак осознавал, что его способен видеть только Карматов. От обиды он шёл трещинами и разваливался на маленькие камешки...» («Человек в комнате»)

ДРУКАРСКИЙ ДВЕРЬ
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

